

КАЙ МАЙЕР

МАГИЯ

КНИГ

РОБИНС

Время библиомантов

Кай Майер

Магия книг

«Робинс»

2018

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

Майер К.

Магия книг / К. Майер — «Робинс», 2018 — (Время библиомантов)

ISBN 978-5-4366-0837-2

Продолжение истории в декорациях викторианского Лондона. Трилогия «Время библиомантов», приквелом которой являются «Аромат книг» и «Магия книг», была отмечена рядом наград, в том числе и самой почётной премией в области литературы в Германии – «Лучший немецкий роман». Улица лондонских книготорговцев – магазины, лабиринты полок, полные книг на выцветшей бумаге. Мерси Амбердейл управляет здесь антикварным книжным магазином своего отчима и практикует магию книг. Отравленные книги и ночные ритуалы, волшебный воздушный корабль и загадочный маркиз вовлекают героиню в вихрь смертоносных интриг. Грань между реальностью и вымыслом потихоньку стирается, и, если Мерси не вмешается, её мир будет обречён – враги захватят его.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-4366-0837-2

© Майер К., 2018
© Робинс, 2018

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	9
3	19
4	24
5	29
6	38
7	44
8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Кай Майер

Магия книг

Original published as: Kai Meyer «Der Pakt der Bücher»

© 2018 by Kai Meyer

For the German edition © 2018 S. Fisher Verlag GmbH, Frankfurt am Main

All rights reserved.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, 2021

Часть первая

Туман. Свидание на мосту · Книга бутылочной почты · Мистер Шарпин колет орехи · В «Ломбарде Фаворитов» · Резня в отеле «Савой» · Пламенное дерево огнеглотателя · Цыганка

1

По обеим сторонам переулка книготорговцев тускло поблёскивали витрины: чудеса со всего света, скрытые за ними, ждали своих Колумбов и Эйнштейнов. Из-под старых дверей наружу днём и ночью просачивался аромат бумажных страниц.

Когда по утрам невыспавшиеся (ибо зачитались далеко за полночь) книготорговцы из Сесил-корта отодвигали задвижки и переворачивали висевшие за стеклом таблички с «*Закррито*» на «*Открыто*», вместе с ними просыпалась вселенная напечатанных страниц, вселенная открытий и выдумок, вселенная слов – от изысканных до невзыскательных. Распахивались ставни, открывая взору прохожих захватывающую панораму мировой литературы, откуда махали руками герои и героини всех историй на свете, коротких и длинных, непритязательных и замысловатых.

Утром, когда ночная стража давно завершила свой обход, книготорговцы распахивали настежь двери даже в зимний холод: не для того, конечно, чтобы глотнуть свежего воздуха, а, напротив, для того, чтобы наполнить улицу книжным ароматом. Это был их способ бороться с миазмами Лондона, истинного Молоха, древнего чудовища, источавшего зловоние, с его ядовитыми испарениями многочисленных фабрик на задних дворах, с вонью от испражнений животных и сточных вод. Каждое утро книготорговцы заново бросались в эту неравную битву ради того, чтобы в лондонское зловоние вплетался тонкий аромат, по которому их могли обнаружить единомышленники, искатели необычайного и возвышенного, ради того, чтобы бросить вызов скуке, обыденности и повседневности. Книготорговцы заманивали лондонцев в лабиринты между книжными полками, напоминавшие пещеры, своды которых были составлены из кожаных корешков и картонных обложек. В удивительное царство историй.

В этот час в других уголках Лондона армия рабочих давным-давно маршировала возле своих адских машин, а полчища клерков усаживались в тесные конторы, проглотив скудный завтрак с уличного лотка: чашку жидкого чая или кофе с двумя тонкими кусочками хлеба всего за одно пенни.

Пока челядь богачей сторговывала мясо и овощи на лондонских рынках и гомонила под сводами городских судов, в Сесил-корте неспешно начинался день. В грязно-коричневой снежной каше расчищались дорожки или раскладывалась мешковина, чтобы облегчить покупателям доступ к той или иной лавке. В печи раздували огонь, кляня при этом водяной насос в подвале, в котором замёрзла вода. Со двора в заднюю комнату приносили дрова, разбирали бумаги, оставшиеся со вчерашнего дня, листали страницы книг – любимых и зачитанных или, напротив, ещё терпко пахнувших типографией. Переулок книготорговцев, один из двух в своём роде, существовавших в Лондоне (о другом читатели услышат чуть позже), был оазисом спокойствия посреди суеты большого города. Несомненно, и тут кипела работа: взад и вперёд проплывали ящики, набитые фолиантами, а те, кто на своём горбу их тащил, бурчали себе под нос, жалуясь на боль в спине и ослабшее зрение. Время от времени случались ссоры, без которых не обойтись, если двадцать магазинов, расположенных рядом друг с другом, торгуют одним и тем же товаром. Однако не позднее заката эти ссоры улаживались (хотя бы в общих чертах), и жители улицы собирались в единственном местном пабе: над входом в него красовалось изображение ветчины и надпись: «Хэм».

Однако по утрам у книготорговцев было принято здороваться с книгами и друг с другом и, открывая лавки, ёжиться от сквозняка в тусклом свете газовых фонарей, пока наконец на небо не выкатывалось солнце: его лучи бросали отблески на серно-жёлтый дым, поднимающийся из дымоходов. В снегопад хлопья снега были серыми от копоти угольных печей, а иногда с облаков на город падали и чёрные крупинки, словно чешуйки ночного неба. Даже Сесил-корт, жители которого умели ценить белизну бумаги и чистоплотность, периодически стано-

вился жертвой лондонского смога, и в некоторых лавках стояли наготове чехлы для уличной обуви покупателей, приходящих с холода.

Утром 3 декабря 1880 года, около половины седьмого утра, в окнах Сесил-корта, как обычно, зажглись первые лампы. Во многих магазинах витрины, выходящие на улицу, были сделаны в форме эркеров: сияние, просачивающееся из глубины магазина, падало на тома, выложенные для привлечения клиентуры, и отбрасывало угловатые тени на мостовую. Хозяева «Гаргантюа и Пантагрюэля», «Храма Сераписа» и «Острова Просперо» всегда поднимались первыми.

Итак, третьего декабря перед витринами прохаживалась фигура в длинном пальто: из света в тень и обратно. Так рано жители обычно не показывались на улице, поэтому никто не мог распознать лица незнакомца под шляпой, надвинутой на самый лоб. Ночью подморозило: уличная снежная каша успела застыть. Заледеневшая корка хрустывала под каблуками закутанного гостя при каждом его шаге.

Перед одной из лавочек (свет в ней обычно не загорался раньше восьми утра) незнакомец остановился. Далёкий цокот копыт лошадей извозчиков смешивался с криками мальчишек-газетчиков, перезвоном лондонских колоколен и воркованием голубей под стрехами домов. Здесь, между нависавших над улицей фасадов Сесил-корта, весь этот далёкий городской шум и суматоха звучали как глубокий вдох, словно книги собирались с духом перед тем, как выставить напоказ свои обложки и во всей красе предстать перед посетителями.

Меж отзвуков суматохи, доносившихся с соседних улиц, и молчания, окутывавшего сам Сесил-корт, фигура незнакомца остановилась перед двухэтажным домом № 14. Стараясь дышать через чёрный шёлковый шарф, человек в шляпе через окно рассматривал лавку, располагавшуюся на первом этаже.

На фасаде дома красовалась вывеска «Либер Мунди»: размашистая блестящая надпись, написанная золотыми буквами, тянулась над всей витриной до входа. В тёмной витрине громоздились стопки книг, на втором, жилом, этаже свет тоже пока не горел. За крошечными чердачными окошками, казалось, трепыхалось пламя свечи, однако при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что в стёклах просто отражается свет из дома напротив.

Все трое обитателей «Либер Мунди» ещё спали: Мерси Амбердейл в своей комнате над магазином, Темпест и Филандер – этажом выше, в мансарде под крышей. Они никогда не принадлежали к числу книготорговцев Сесил-корта, покидавших свои постели первыми, хотя их лавка всегда открывалась ровно в восемь утра. В то время как в других домах уже готовили овсянку или овощное рагу, в «Либер Мунди» ещё царила тишина. Поэтому никто из них не заметил, как загадочная фигура, хрустя каблуками по подмёрзшему снегу, приблизилась ко входу в лавку и, оказавшись почти у двери, полезла за пазуху пальто, затем, чуть помедлив, наклонилась и просунула под дверь почтовый конверт.

Когда конверт исчез, закутанная фигура замерла, словно обдумывая, правильно ли поступила. В конце концов она выпрямилась, сделала два шага назад и повернулась спиной к зданию, не упустив при этом случая бросить взгляд на окна второго этажа. Там по-прежнему было темно.

Подмёрзшая слякоть вновь захрустела под сапогами незнакомца. В окнах зажгались лампы: Сесил-корт приветствовал новый день. В переулке стало гораздо светлее, однако теперь он снова опустел. Если бы не следы, ведущие сначала к двери «Либер Мунди», а потом прочь от лавки, можно было бы решить, что в переулке побывал призрак – призрак из прошлого.

2

Следующим поздним вечером Мерси Амбердейл в полном одиночестве торопливо шагала по набережной Темзы. На ней было пальто, слишком тонкое для холодной лондонской зимы, и шапка-ушанка, надвинутая на уши и прекрасно дополнившая бы костюм боцмана, но никак не хрупкий девичий силуэт. Из-под шапки выбивались рыжие завитки волос, а изо рта вырывались облачка пара. Руки Мерси спрятала в меховую муфту; там же она несла свою сердечную книгу и прямоугольный кусок картона с надписью: «Ниммермаркт»¹.

Как и остальные магазины в Сесил-корте, лавка «Либер Мунди» работала до десяти вечера; сейчас же стрелка часов приближалась к одиннадцати. Назначать свидание в столь поздний час было решительно за гранью приличий, однако о том, соответствует ли её поведение правилам приличия для незамужних девиц, Мерси беспокоило меньше всего. В эти часы на улицах Лондона царили преступники и грабители – головорезы из банды Руделькопфа, заправлявшие в Сохо, прихвостни некоронованной королевы Чайна-тауна мадам Ксу, не говоря уже обо всех тех, кто при свете дня скрывал свои патологические склонности под маской хороших манер и чистым платьем.

Мерси спешила по узкой дорожке вдоль берега Темзы. Справа от неё несла свои воды река, слева высились фасады пакгаузов. Впереди над водой слабо светились фонари и виднелись каменные арки Лондонского моста.

Двое бродяг навеселе засвистели вслед Мерси, продолжая, однако, ковылять в противоположном направлении.

Примерно в ста метрах перед мостом возвышался одинокий фонарь, в свете которого на снегу съёжилась тощая старуха в шляпе. На её правом плече сидел однокрылый голубь. Мерси остановилась в нескольких шагах от неё и уже открыла было рот, чтобы заговорить с ней, как вдруг голубь и старуха одновременно подняли головы и уставились в лицо Мерси. Свет фонаря упал на покрасневшие глаза и беззубый рот. Старуха неразборчиво пробормотала какие-то проклятия, и её подбородок вновь бессильно упал на грудь. Один лишь голубь, тихо воркуя, неотрывно следил за девушкой.

Мерси размышляла, не предложить ли нищенке помощь – скажем, довести её до крыльца ближайшего дома, где она могла бы найти защиту от снега и ветра, – однако старуха уже махнула рукой, как часовой перед Букингемским дворцом: проходи, мол, не задерживайся. Мерси сунула свою сердечную книгу в карман – муфта осталась болтаться на тесёмках – и обеими руками взялась за надписанный кусок картона. Всезнайка сообщил ей, что «Ниммермаркт» – явно немецкое слово, но ему неизвестно, что оно означает. Ни в одной из бесчисленных книг, откуда он черпал информацию, такого слова не встречалось.

В конверте, который Мерси обнаружила на полу перед дверью «Либер Мунди», девушка нашла вышеописанную картонку и сопроводительное письмо: в нём назывались день, время и место, куда ей надлежало явиться, а также содержались краткие указания, что следует делать потом. Направляясь на берег Темзы, Мерси внимательно высматривала, не преследует ли её кто-нибудь, но никого не обнаружила. Кроме неё, здесь не было ни души, если не считать нищенку под фонарём.

Часы пробили одиннадцать. Мерси зажала картонку в ладонях, сведя их перед грудью в молитвенном жесте, на несколько секунд закрыла глаза и снова их открыла.

Фонарь, старуха под ним и голубь на её плече остались на месте, однако вокруг ничто более не напоминало о царившей здесь только что пустоте. Теперь перед Мерси возвышалась трёхэтажная каменная башня с зубчатой крышей. Массивные полукруглые ворота были рас-

¹ «Ниммермаркт» дословно переводится как «никогдашний рынок».

пахнуты и вели на мост, которого ещё несколько секунд назад здесь не было. Взглянув налево, Мерси убедилась, что Лондонский мост по-прежнему на месте. Правда, сейчас он казался чуть расплывчатым, словно туман только что сгустился, сделав окружающий мир более зыбким. Другой же мост, только что возникший перед девушкой из пустоты, по сравнению с Лондонским мостом казался прямо-таки неправдоподобно реальным.

Нищенка по-прежнему неподвижно сидела у подножия фонарного столба, по-видимому не замечая произошедших вокруг неё изменений. Даже подняв голову, она не смогла бы разглядеть башню и мост: для неё они оставались невидимыми. У неё не имелось приглашения. Дорога на ту сторону была открыта только для Мерси.

Ворота не охранялись. Мерси решительно зашагала к высокому полукруглому проёму: темнота немедленно поглотила её. Девушка с трудом различала висевшие на стенах пустые подставки для факелов. С другой стороны ворот на каменные перила моста были установлены газовые фонари, однако и они не горели. Только отсвет огней реального Лондона, огней по ту сторону Темзы, немного рассеивал туман, выхватывая из ночной темноты очертания моста. Противоположный берег был погружён во мрак, как будто там в один миг потухли все лампы и свечи. Переходя по мосту, Мерси покидала Лондон. Перед ней лежали земли, доступ в которые открывался одним лишь библиомантам.

Ниммермаркт являлся одним из так называемых убежищ, созданных библиомантами, о которых ей иногда рассказывал Валентин. Сама она ни разу не бывала в этих убежищах и даже не видела их; более того, она сомневалась, что туда непременно стоило отправляться за час до полуночи.

«Я буду ждать Вас на мосту, – значилось в письме, и, вынырнув из тёмного проёма ворот, Мерси увидела, как далеко впереди, на полпути между берегами Темзы, зажётся одинокий огонёк. – Приходите одна. Я хочу сделать Вам некое предложение».

Мерси пыталась читать письмо через Лупу истины, чтобы узнать истинные намерения того, кто писал его, однако обнаружила, что Лупа способна прояснять лишь намерения авторов печатных изданий. На рукописные документы её удивительные свойства не распространялись.

Мост был пуст – ни повозок, ни пешеходов, – поэтому снег, покрывавший его, оставался почти нетронутым. На тёмных газовых фонарях возвышались снежные шапки.

Одинокий огонёк в отдалении оказался масляной лампой с высокой стеклянной колбой. Она стояла на перилах с левой стороны моста. Рядом с лампой, облокотившись и засунув глубоко в карманы руки, стоял человек в цилиндре, шарфе и длиннополом пальто.

– Рад, что вы смогли прийти, – произнёс Седрик де Астарак, когда Мерси оказалась в пяти шагах от него. Он отошёл от каменного парапета и остался стоять, не приближаясь к девушке. Его длинные чёрные волосы падали на меховой воротник, оставляя лицо в тени, – его черты лишь угадывались. В очередной раз Мерси поразил его безупречный английский без какого-либо намёка на французский акцент.

– Добрый вечер, Седрик.

– Вечер добрый, Мерси. Простите, что выбрал для встречи столь продуваемое место.

– Полагаю, вы выбрали его неспроста.

На протяжении пяти месяцев, прошедших с их последней встречи, Мерси не раз ловила себя на мысли, что думает о Седрике де Астараке; иногда при этом она задавалась вопросом, насколько он вообще принимал её всерьёз. Они оба были библиомантами: она торговала антикварными книгами, он являлся агентом Адамантовой академии. Полгода назад ему удалось выяснить, что имя Мерси Амбердейл, под которым девушка выросла, она получила не при рождении и что в действительности она – последний отпрыск рода Антиква, считавшегося истреблённым. Прямая обязанность охотника за ренегатами была ликвидировать её как можно скорее; вместо этого он отдал ей Лупу истины и бесследно исчез. Впрочем, последнее, вероятно, входило в привычки всех тайных агентов.

– Как поживает ваша охота за изменниками? – поинтересовалась Мерси.

– Я этим больше не занимаюсь. Я попросил разрешения сосредоточиться на другом деле.

Вопрос, мучивший Мерси, состоял не в том, можно ли верить её собеседнику, а в том, хотела ли она верить ему. Слишком скудными и отрывочными сведениями об Адамантовой академии и её реальной власти располагала девушка; о самом же Седрике де Астараке она не знала почти ничего. Возможно, это были его настоящие имя и фамилия, даже титул маркиза. А возможно, в действительности он даже не был французом.

– Это всё ещё связано с Александром Абсолоном?

Седрик кивнул, и свет лампы скользнул по его лицу. Он больше не выглядел таким измотанным, как во время их последней встречи в Сесил-корте, и всё же Мерси испугалась. За это время с Седриком что-то произошло; раны, полученные им, казалось, оставили глубокий след не только на теле, но и в душе. На его лице лежала печать бесконечной усталости.

– Значит, вы ещё не поймали своего заклятого врага.

– Нет, он не желает облегчать мне эту задачу.

Мерси улыбнулась:

– Было бы жаль, если бы он поддался вам, не правда ли?

Седрик склонил голову, как будто прикидывая, смеётся она над ним или нет. Порыв ледяного ветра сбил горсть колючего снега с парапета и рассеял его над мостом.

– Давайте пройдемся. – Седрик приглашающе махнул рукой в направлении другой стороны моста, где царила кромешная темнота.

Разве отсюда не должны виднеться огни убежища? Однако знания о порталах и переходах, которыми располагала Мерси, были слишком скудными, чтобы это обстоятельство всерьёз удивило её.

Убежища представляли собой осколки параллельной реальности, созданные библиомантами с помощью книжной магии для себя и себе подобных. Поговаривали о том, что некоторые из убежищ существовали ещё во времена почтенной Федры Геркулании, праматери библиомантики, однако большинство из них возникло гораздо позже. На деньги Трёх родов, правивших миром библиомантики с помощью Адамантовой академии, содержались мастерские, где днём и ночью кипела работа по проектированию новых убежищ. Приёмный отец Мерси Валентин рассказывал ей о некоторых из них – прежде всего об Унике, где располагались университеты, в которых преподавали высшую библиомантику, – однако ему самому не довелось побывать ни в одном из убежищ. «Лондон достаточно велик и полон чудес, – говаривал он, – но в то же время до крайности ужасен». И где в нём можно было найти уголок, пропитанный библиомантикой больше, чем переулочек Сесил-корт, прибежище книголюбцев?

– Я почти ничего не знаю об убежище под названием «Ниммермаркт», – произнесла Мерси, шагая рядом с Седриком и сомневаясь, что правильно произносит это слово.

– Это неудивительно. Мало кому известно о том, что произошло с Ниммермарктом.

Пока они медленно шагали по мосту, подняв воротники своих пальто и плотнее укутавшись в шарфы, Мерси пыталась различить хоть что-нибудь в кромешной тьме, в направлении которой они двигались. Кажется, там громоздилось нечто тёмное – вероятно, вторая надвратная башня, симметричная той, что стояла на другой стороне. Ландшафт за башней по-прежнему скрывала темнота.

– Ниммермаркта больше не существует, – продолжал Седрик. – Вы помните, я когда-то рассказывал вам о том, что Александр Абсолон погубил целое убежище? Там, впереди, лежат его руины.

Чем дальше они шли, тем явственнее Мерси казалось, что вокруг неё звучат плачущие жалобные голоса... Или это зимний ветер посвистывал в щелях каменной кладки?..

– Ниммермаркт был убежищем высшего ранга, одним из первых, созданных по приказу родов Алого зала. Именно поэтому он носил немецкое название, хотя портал, ведущий туда, находился в Лондоне.

Алый зал управлял миром библиомантов до создания Адамантовой академии. Теперь из пяти немецких книгоиздательских династий, учредивших его, осталось только три: другие два рода, Антиква и Розенкрейц, обвинили в измене и истребили. После этого семейства Кантос, Химмель и Лоэнмут, захватившие власть, объединились, чтобы создать Адамантовую академию, и с тех пор напрямую управляли убежищами, при необходимости пуская в ход отряды полиции. В Лондоне и других городах они пока действовали менее явно: тайное общество библиомантов влияло на происходящее в мире посредством своих послов и агентов.

– Что произошло? – Чем ближе они подходили к бесформенной чёрной массе на противоположной стороне моста, тем сильнее Мерси становилось не по себе. – Почему Абсолон уничтожил целое убежище?

– Долгая история. Думаю, что ни один человек на свете не в состоянии понять его до конца. Даже я, а я ведь уже много лет иду по его следу.

«Мой заклятый враг». Так когда-то назвал его Седрик. «Немезида, карающая лично меня». Тогда Мерси про себя хихикнула: дескать, не слишком ли много патетики?.. Однако с тех пор её представления о ненависти и вражде значительно расширились. Теперь ей казалось, что она лучше понимает, что он хотел сказать.

– Ясно одно, – тем временем продолжал Седрик, – в Ниммермаркте Абсолон выпустил на свободу нечто ужасное. Как он сам называет, «Необходимое Зло». Это нечто вроде помешательства, охватившего убежище. По-видимому, Абсолон недооценил его опасность, и тысячам библиомантам пришлось заплатить за его ошибку. Не сомневаюсь, что и сегодня он трудится над усовершенствованием Необходимого Зла, а также над тем, чтобы полностью контролировать его. Если это удастся ему, он сможет применять его с гораздо большей точностью, и тогда помилуй нас Бог.

– Необходимое Зло... – тихо повторила Мерси и снова прислушалась к жалобам, разносившимся над мостом. Похоже, за погоней Седрика за Абсолоном действительно скрывалось нечто посложнее «некрасивой истории о взаимной мести», как он однажды выразился.

– Пройдёт много столетий, – тем временем говорил Седрик, – пока это место снова станет пригодным для жизни и превратится в новое убежище. Это случится не на нашем с вами веку.

Мерси остановилась и придержала Седрика за рукав:

– Почему вы рассказываете мне об этом?

– Потому что я хочу, чтобы вы поняли, почему пять месяцев назад я так внезапно исчез.

– Вы не обязаны давать мне отчёт.

– Мерси, сегодня вечером я пригласил вас сюда не из-за Абсолона. Однако именно из-за истории с Абсолоном вы не доверяете мне, поэтому, прежде чем попрошу об одолжении, я хотел бы объяснить вам все обстоятельства.

Нет, конечно, Мерси не предполагала, что Седрик условился встретиться с ней просто потому, что захотел её увидеть. Даже если и предполагала, то сама этому не верила. Она попыталась сохранить непроницаемое выражение лица, чтобы не выдать своего разочарования.

– Вы замёрзли, – произнёс он.

– Неудивительно, зима на дворе.

– Повернём обратно.

– Как вам будет угодно. – В действительности она с облегчением перевела дух: приближаться к погибшему убежищу ей не хотелось.

– С пропуском проблем не было? – спросил Седрик.

– Я ведь здесь.

– Я хочу сказать, это просто картонка. Иногда бывает нужно попытаться несколько раз, прежде чем портал сработает. Вы до сих пор не пользовались пропусками, не правда ли?

– Вы опять копались в моём личном деле.

Он покачал головой:

– Я просто храню в памяти всё, что связано с вами.

– Звучит немного зловеще.

– Прошу прощения. – Впервые в голосе маркиза прозвучала неуверенность, и, несмотря на холод и жалобные завывания вокруг, Мерси испытала некоторое удовлетворение.

Какое-то время они молча шагали рядом по заснеженному мосту, пока снова не подошли к лампе, оставленной на его середине.

– Итак, вы собираетесь попросить меня об одолжении? – в конце концов нарушила молчание Мерси.

– Совершенно верно. Но, конечно, не даром.

– Могли бы и просто попросить. Я вам не осёл, которого нужно приманивать морковкой.

– Сейчас. Вот здесь будет достаточно светло.

Ускорив шаг, Седрик первым добрался до масляной лампы, которая уже утопала в снегу, нападавшем на парапет моста. За лампой над рекой плыли желтоватые клубы тумана.

– Думаю, это заинтересует вас. – Приподняв полу пальто, Седрик достал из кармана нечто, завернутое в бумагу.

Библиомантическую ауру этого предмета Мерси почувствовала ещё до того, как взяла его в руки. Прежде чем развернуть бумажную обёртку, они с маркизом обменялись взглядами. Под бумагой обнаружилась бутылка из коричневого стекла без этикетки. Дрожащими руками Мерси поднесла её к лампе и в её колеблющемся свете увидела подтверждение того, что подсознательно подозревала и раньше. В бутылке лежала пачка свёрнутых в трубку листов.

– Это же не... – начала она и замолчала на полуслове, безошибочно чувствуя, что держит в руках.

– Глава из Книги бутылочной почты, принадлежавшая мадам Ксу, – продолжил Седрик. – Последняя глава, которой не хватает вашему заказчику, Филеасу Седжвику, чтобы собрать книгу целиком. Если я правильно понимаю, он попросил вас достать её, как и большинство остальных глав, которыми он владеет в настоящее время.

– Я бы не сказала, что он *попросил* меня сделать это.

– Он заставил вас, я знаю. Когда вы попытались достать её в первый раз, произошло... – он заколебался, – случилось несчастье.

– Ксу убила брата Темпест, – прошептала Мерси. – Он был моим другом. – Гровер был ей больше чем другом, и она не сомневалась, что Седрику известно и это.

– Тем не менее комиссар Седжвик убедил вас предпринять ещё одну попытку достать для него эту главу, – продолжал Седрик. – В качестве ответной услуги он замаял некоторые обстоятельства, которые могли представлять для вас опасность.

Мерси повертела бутылку в руках:

– Кто добыл эту бутылку из хранилища Ксу?

– Кое-кому удалось переговорить с ней, и в конце концов она отдала главу по доброй воле. Так всегда бывает, когда Академия ставит перед собой чёткую цель.

У Мерси захватило дух: получается, влияние Трёх родов было настолько велико, что распространялось даже на самую могущественную – после королевы Виктории – женщину Лондона! Вероятно, при необходимости её величество тоже повиновалась бы им. Если уж не сама королева, то её многочисленные советники и прихлебатели точно.

– Я не хочу иметь с этим ничего общего.

– Ну же, Мерси. Седжвик уже несколько месяцев досаждаёт вам, требуя достать для него эту бутылку, а вы кормите его бесконечными «завтраками».

– Вы что, шпионите за мной?

Он покачал головой:

– Нет, слово чести. Однако некие влиятельные люди весьма интересуются Седжвиком и его делишками, которые, как ему кажется, он держит в глубокой тайне. Возможно, в ваших глазах он выглядит могущественным серым кардиналом, но, поверьте, дамы и господа, которым он имел несчастье перейти дорогу, обладают не в пример большим влиянием в обществе.

– Снова Академия?

– Один из Трёх родов внимательно наблюдает за тем, что подделывает Седжвик.

– Вы хотите сказать, что передаёте мне главу по поручению...

– Я агент, Мерси. И, говоря начистоту, прежде всего я занимаюсь Абсолоном. Но семейству Лоэнмут известно о нашем знакомстве, и они считают, что вы, возможно, прислушаетесь к моим словам, если я попрошу вас об одном одолжении.

Она протянула ему бутылку, держа её на вытянутой руке:

– Почему, чёрт побери, я должна доверять вам?

Он не ответил ничего, но слова «Потому что я сберёг вашу тайну» можно было прочитать на его лице. И это была правда: промолчав о том, что Мерси – последний отпрыск рода Антиква, он спас девушке жизнь.

«Если он действительно никому об этом не рассказал», – засомневалась внезапно Мерси.

– Ах, семейство Лоэнмут? – холодно переспросила она. – Это они вам платят?

– Мы, агенты, работаем на Академию и тем самым на благо всех Трёх родов. Однако большинство тех, кому я подчиняюсь, по традиции относятся именно к семейству Лоэнмут.

Мерси пренебрежительно фыркнула:

– Заберите это.

Когда Седрик не принял бутылку обратно из её рук, она попросту уронила её в снег прямо перед ним, повернулась и вознамерилась уйти. Подобное поведение могло плохо для неё кончиться, но в данный момент ей это было безразлично.

В последний момент Седрик ухватил её за плечо. Пальцы Мерси скользнули в карман, где лежала её сердечная книга.

– Подождите. – Он убрал руку прежде, чем она успела потребовать от него это. – Пожалуйста, послушайте меня.

– Я не собираюсь участвовать в ваших агентских штучках, Седрик. – Обернувшись, Мерси решительно взглянула ему в глаза. – Свидание на безлюдном мосту, в тумане, все эти разговоры о злодеяниях Абсолона и прочий апокалипсис... Вы действительно полагаете, что меня так просто обвести вокруг пальца и заставить плясать под вашу дудку?

Нагнувшись, Седрик взял в руки бутылку с главой из Книги бутылочной почты внутри:

– Абсолон – это совершенно другое. Я рассказал вам о нём, потому что полагал... потому что я хотел, чтобы вы знали, чем я был занят. Что помешало мне увидаться с вами снова.

– То обстоятельство, что вы пощадили меня, не обязывает вас регулярно наносить мне визиты вежливости. – Мерси хотела задеть его. Он заставил её поверить, что пригласил её сюда, на мост, потому что их что-то связывало, что-то едва уловимое. Пока не достал из кармана эту проклятую бутылку.

– Просто послушайте то, что я собираюсь сказать вам. – Судя по всему, слова Мерси особо его не задели, и это разозлило её ещё больше. – Раньше Лоэнмуты тоже пытались собрать в своих руках главы из Книги бутылочной почты, однако у Седжвика это почти получилось. Если ему удастся заполучить последнюю главу, он станет первым, кому удалось вновь свести все главы из Книги бутылочной почты воедино.

– Если Лоэнмуты интересуются Книгой, почему бы им просто не отобрать у него другие главы и не завершить дело самим?

– Потому что Седжвик уже давно ведёт изыскания, чтобы понять содержание Книги. Книга написана с помощью секретного кода: чтобы расшифровать его, нужно держать в руках все главы. По всей видимости, в своих исследованиях комиссар далеко продвинулся, ему не хватает лишь некоторых деталей, и последняя глава предоставит ему их. Вероятно, он сможет использовать расшифрованную Книгу спустя всего пару дней после того, как глава попадёт к нему в руки. Чтобы заново проделать всю эту работу, Лоэнмутам понадобятся годы.

– И они позволяют ему делать за них чёрную работу и нанесут удар только тогда, когда его изыскания увенчаются успехом. Корпеть над расшифровкой будет он, а воспользуются ею они.

– Всё несколько сложнее, но в целом – да, именно так они, видимо, и собираются сделать.

– И я должна притвориться, что ни о чём не подозреваю, и передать ему недостающую главу? А потом мне надлежит отправиться домой и забыть всю эту историю?

В действительности эта идея представлялась Мерси весьма соблазнительной. Она бы выполнила обязательство перед Седжвиком, и с комиссаром её бы наконец-то ничто более не связывало. Иногда её посещали мысли, что Седжвик – истинный дьявол в человеческом облике, чудовище, скрывавшееся под маской шефа лондонской полиции. Для достижения своих целей он готов был идти по трупам. С другой стороны, он помог ей и Темпест избежать тюрьмы за убийство Эдварда Торндайка, которое могли бы повесить на них. Он не нравился Мерси, она боялась его, однако она, несомненно, была ему обязана.

Седрик, похоже, подозревал, о чём думала Мерси:

– Вы считаете, что вы в долгу перед Седжвиком, и это делает вам честь. Но вы не в ответе за то, чем комиссар занимается за закрытыми дверями. Он требует от вас главу из Книги бутылочной почты, хранящуюся у мадам Ксу, так принесите её ему – и вы наконец-то освободитесь от него.

– Получается, я выполню своё обещание и одновременно позволю Седжвику подвергнуть себя неминуемой опасности. Вы ведь имеете в виду именно это, не правда ли?

– Если вы предпочитаете описывать это в столь драматичных выражениях, то да.

– Кто-то чрезвычайно умно организовал всё это.

– Примерно этим мы, агенты, и вынуждены заниматься ежедневно.

– Вы сами выбрали эту профессию.

Седрик вновь протянул Мерси бутылку со скрученными страницами внутри:

– Отдайте ему это и попросите разрешения посмотреть, как он соединит эту главу с другими и как будет пользоваться Книгой. Вам нужно будет всего лишь понаблюдать за ним, а потом составить отчёт о том, что вы видели.

– То есть мне ещё придётся объяснять Лоэнмутам, как пользоваться этой проклятой Книгой?

– Разве вам самой не хочется узнать, зачем она так нужна Седжвику?

– По мне, так он может хоть обклеить этими страницами свою контору вместо обоев.

Во взгляде Седрика скользнуло недоверие, но на этот раз он решительно ошибался в отношении Мерси.

Два с половиной года Мерси зарабатывала на жизнь, добывая редкие издания для состоятельных коллекционеров. Зачастую это приходилось делать на весьма невыгодных условиях, но Мерси привыкла соблюдать полную конфиденциальность. Разумеется, иногда ей было любопытно, что таили в себе страницы книг, за которые любители платили высокую цену, однако она умела держать своё любопытство в узде. За это время ей удалось добыть для Седжвика из тщательно охраняемых библиотек Англии и Шотландии пять глав из Книги бутылочной почты, и ни разу она не поддавалась искушению открыть одну из бутылок и просмотреть скрученные страницы, лежавшие внутри. Это был товар, который она обязалась доставить заказчику, и его содержание её не касалось.

– О Книге бутылочной почты мне известно мало, – сказала она. – Я никогда не собиралась влезать в эту историю глубже, чем требовалось, из пустого любопытства, просто чтобы восполнить пробелы в знаниях.

– Но вы уже давно находитесь в самом эпицентре этой истории! Академии известна роль, которую вы в ней играете. А Седжвик пытается давить на вас...

– Что, конечно, никогда не пришло бы в голову вам...

– Мы, агенты, те же солдаты. Мы подчиняемся приказам, нравятся они нам или нет.

Мерси грустно улыбнулась Седрику и медленно кивнула:

– Я не смогу помочь вам, Седрик. Ни в том, что касается Седжвика и его Книги, ни в том, что касается ваших собственных проблем.

– Моих проблем?

– Скорее, сомнений, которые вы испытываете. Давайте посмотрим на нас со стороны. Ведь я – одна из проблем, которые мучают вас. В глубине души вам противно выполнять то, что вам поручили, но вы тем не менее чувствуете себя обязанным делать это. Вам гораздо больше нравилось бы дальше играть в кошки-мышки с Абсолоном там, на свободе, чем объясняться со мной по поводу всей этой мерзости.

Его одержимость Абсолоном Мерси разгадала ещё тогда, на крыше, и то, что Седрик вызвал её на беседу именно сюда, на мост перед уничтоженным убежищем, вновь подтверждало это. По какой-то неведомой Мерси причине ему хотелось, чтобы она заглянула в его душу, поняла, чем он живёт. Мерси задавалась вопросом, следует ли ей воспринимать это как комплимент, или же он просто пытался найти ещё один способ дёргать её за ниточки, как марионетку. Нет, она решительно была не в состоянии понять его.

– Мне казалось, что вы мне дороги, Седрик. Возможно, я ошибалась. Со всеми остальными людьми, которые дороги мне, я чувствую себя иначе, чем с вами. Мне следовало вспомнить об этом, прежде чем принять ваше приглашение. – Она повернулась и направилась прочь.

– Мерси, пожалуйста.

Она не остановилась и продолжала идти по своим следам в снегу ко входной башне. Казалось, ветер, дувший ей в лицо, за время их беседы стал ещё более пронизывающим.

– Мерси!

Девушка закрыла глаза, выдохнула – изо рта вырвалось облачко пара – и остановилась. Обернувшись через плечо, она увидела, что Седрик почти догнал её. Бутылку с недостающими страницами он всё ещё держал в руках. Секунду ей казалось, что молчание разделило их невидимой стеной.

– Седжвик доверяет вам, – в конце концов сказал маркиз. – Вы никогда не спрашивали себя почему?

Тщательно следя за тем, чтобы голос прозвучал как можно более непринуждённо, Мерси ответила:

– У меня получалось выполнять его требования. В конечном итоге он просто использовал меня.

Седрик покачал головой:

– Из продолжительных наблюдений за Седжвиком можно сделать вывод, что он не доверяет никому. Даже тем, с кем сотрудничает многие годы. Возможно, за исключением его прихвостня, некоего Шарпина, который следует за ним по пятам. Хотя и им Седжвик, скорее всего, пользуется как инструментом. В то время как вы... По каким-то причинам он испытывает к вам нечто вроде симпатии.

– Ну конечно! – саркастически воскликнула Мерси. – В этом всё дело. Я ему *нравлюсь*.

– Он считает себя кем-то вроде вашего учителя и защитника. Возможно, в действительности за этим скрывается нечто большее.

– Что вы хотите сказать? – Мерси шагнула вперёд так, что её лицо вплотную приблизилось к лицу Седрика. – Вы говорите всё это потому, что я не знаю, кто мой родной отец? Вы собираетесь убедить меня в том, что я могу быть дочерью Седжвика, потому что это хорошо вписывается в комбинацию, которую вы сейчас проворачиваете? Это низко, даже ниже, чем ваше сомнительное достоинство агента.

– Я всего лишь прошу вас воспользоваться его доверием, чтобы проникнуть в его замыслы. – Седрик понизил голос. – И я искренне хочу избежать ситуации, в которой мне пришлось бы угрожать вам.

Если бы он со всей силы ударил её кулаком в грудь, это не причинило бы ей такой боли, какую она испытала от его слов.

– Угрожать мне?..

Впервые за время их беседы Седрик отвёл глаза, хотя и ненадолго:

– Ежедневно в Лондоне сносят целые улицы для строительства подземки и замены обветшавших домов новыми зданиями. Это происходит по всему городу, вскоре строители доберутся и до Сохо и Сент-Жилия. Однажды и Сесил-корт падёт жертвой городских архитекторов. Это может произойти через десять или даже пятнадцать лет, а может, и в следующем месяце.

От возмущения и от поистине безграничного разочарования у Мерси перехватило дыхание:

– Боже милосердный, Седрик...

– Вы не оставляете мне выбора.

– Вы просто исполняете свой долг, да? – В голосе Мерси появилась хрипотца, причём вовсе не из-за морозного воздуха. – Вы просто исполняете свой долг, чёрт его побери.

– Почти во всём, что творится в Лондоне, так или иначе замешана Академия. И это касается не только Лондона, но и Парижа, Берлина и бог знает каких ещё других городов. Если Три рода – или любой из них – пожелают стереть тот или иной городской квартал с лица земли раньше, чем это запланировано градостроительным ведомством, им, – теперь на лице Седрика было написано неприкрытое отчаяние, – не надо будет даже *пальцем пошевелить*. Их люди повсюду. Честно говоря, они хотели, чтобы я сразу начал угрожать вам, чтобы вы даже не пытались перечить. Я надеялся, что смогу уговорить вас, но сейчас вынужден выложить всё как есть: они камня на камне не оставят от Сесил-корта, если вы не сделаете то, что они велют вам. Я никак не могу помешать им. Никак.

Мерси покачала головой:

– Неужели вы ждёте, чтобы я объяснила, как вы должны были поступить? Вам следовало отказаться и послать вместо себя кого-то другого. Кого угодно. И не приходите сюда самому. Однако правда состоит в том, что вам решительно всё равно, какого я о вас мнения.

– Мерси, я...

– Дайте сюда. – Девушка вырвала из рук Седрика бутылку; на мгновение у неё мелькнула мысль просто выкинуть её в реку через парашют. Возможно, туда ей была и дорога – обратно в воду, откуда кто-то её однажды выловил.

Похоже, Седрик опасался, что она именно так и поступит, потому что приготовился перехватить её руку.

Помедлив, Мерси расстегнула свою сумку и затолкала в неё бутылку:

– Скажите им, что вы успешно выполнили свою миссию. Что вы запугали меня, дурочку, до смерти и вынудили исполнить приказ. Всё прошло именно так, как и задумывалось. Вам есть чем гордиться, Седрик.

С этими словами Мерси развернулась и зашагала прочь. На этот раз она отчётливо слышала за спиной шаги Седрика, как будто он провожал её, однако спустя некоторое время шаги стихли. Мерси до смерти обрадовалась, когда он остановился и просто молча смотрел ей вслед.

Наконец она вступила в густую тень надвратной башни, а затем увидела свет единственного на набережной газового фонаря. Женщина с голубем всё ещё сидела под ним, вытирашив на Мерси глаза. Когда девушка обернулась, башня и мост уже успели раствориться в воздухе, словно клочья тумана над Темзой, разметаемые ветром.

Несмотря на присутствие старухи-нищенки, Мерси на мгновение показалось, что на многие километры она единственный человек в округе. Сумка с лежащей в ней бутылкой оттягивала плечо, а на сердце теперь лежал камень, который она с огромной охотой оставила бы там, на призрачном мосту. С этими невесёлыми мыслями Мерси направилась домой.

3

Красные портьеры распахнулись перед Мерси, пропуская девушку в величественный читальный зал библиотеки Британского музея. Зал занимал массивную постройку с куполом, возведённую во дворе музея добрых двадцать лет назад. Вдоль стен всех трёх этажей круглого зала тянулись железные стеллажи с книгами; два верхних этажа представляли собой галереи с резными балюстрадами. Над ними нависала гигантская перевёрнутая чаша купола.

Было раннее утро – Мерси оказалась в числе первых посетителей читального зала. За окнами ещё царил темнота. Массивные столы для чтения из дуба и металла, обтянутые зелёным сукном, были расставлены звездообразно. По середине каждого стола стояла перегородка, не позволявшая читателям, сидевшим друг напротив друга, мешать своим визави.

Полтора года назад Мерси – разумеется, неофициально – через посредника выполнила два поручения главного библиотекаря Британского музея. Незадолго до того посол Румынии в Лондоне взял из библиотеки редкую книгу с любовными стихотворениями грузинского поэта, чтобы, как выяснилось позже, подарить её своей молодой жене. Когда библиотека попросила его вернуть ценный экземпляр, посол сослался на дипломатическую неприкосновенность и отказался это сделать. Мерси ночью проникла в здание румынского посольства в Мэйфере, незамеченной прошла мимо охраны и похитила сборник с ночного столика супруги посла.

Второе поручение оказалось посложнее. На стопке книг из верхней галереи читального зала нашли два порванных и поцарапанных средневековых кодексов, – и притом, когда книги, по предположениям персонала библиотеки, подверглись вандализму, в читальном зале не было ни души. После некоторого количества бесплодных расспросов Мерси наконец наткнулась на следы птичьего помёта на балюстраде и нашла чёрное перо. Она узнала, что через большие окна в куполе, через которые библиотеку периодически проветривали, в зал иногда залетали птицы. Прежде чем вылететь обратно, они нередко оставляли в библиотеке следы своего пребывания. Так Мерси нашла след «злоумышленников»: серебряный обрез обоих манускриптов, вероятно, сверкал на солнце, это привлекло внимание сорок, и они, в тщетных попытках унести с собой блестящую штуку, вырывали страницы и утаскивали их через открытое окно.

Три дня Мерси карабкалась по широким крышам музея, прежде чем смогла обнаружить гнездо «подозреваемых» сорок и, хотя и в ужасающем состоянии, вернуть недостающие страницы в библиотеку. Реставраторы, в чьи руки попали манускрипты, тем не менее были чрезвычайно признательны Мерси и в знак благодарности оформили ей специальное читательское удостоверение, дававшее право прохода в библиотеку за два часа до её официального открытия и оставаться там даже после её закрытия.

Целый год девушка не прикасалась к удостоверению. Только после того, как Мерси вместе с Филандером и Темпест въехала в тесные комнатухи над «Либер Мунди», она периодически стала приходить сюда, чтобы без помех обдумать занимавшие её вопросы. Так как привилегией приходить до открытия и оставаться после закрытия читального зала могли похвастаться лишь с десяток учёных, пара отпрысков аристократических семей, горстка политиков и члены королевской фамилии, по утрам девушка могла находиться в библиотеке практически в полном одиночестве. Дежурный библиотекарь блуждал по галереям в поисках той или иной книги: она слышала, как его деликатные шаги над её головой то приближались, то отдалялись. Было самое начало восьмого. После встречи с Седриком Мерси провела бессонную ночь. Лёжа в постели с открытыми глазами, она следила за отражением, которое газовый фонарь на другой стороне улицы отбрасывал на потолок её спальни.

В конце концов Мерси встала и отправилась бродить по улицам Сохо. В темноте она добралась до Блумсбери. Даже кривыми переулками, где колёса кебов не месили по мостовым снежную слякоть, от Сесил-корта до Британского музея было не больше мили. Тем не менее,

когда Мерси наконец дошла до дверей читального зала, ей показалось, что она добиралась сюда по колено в грязной ледяной каше с примесью угольной пыли и лошадиного навоза. Но возмущаться не приходилось: то была обычная судьба лондонских пешеходов зимой.

Устроившись на своём любимом месте в библиотеке и удостоверившись, что за ней никто не следит, Мерси вытащила бутылку из сумки и положила перед собой на стол. Задумчиво перекатывая стеклянный сосуд кончиками пальцев, она поймала себя на мыслях о своей матери: «А как бы поступила она, если бы ей пришлось выбирать, что делать дальше? Вероятно, Аннабель Антиква попыталась бы взять инициативу в свои руки, и, вероятно, кто-то другой поплатился бы за эту инициативу головой».

Мерси знала о своей матери лишь немного, но этого для девушки оказалось достаточно, чтобы презирать её. Однако тяжелее всего Мерси переносила тот факт, что она не успела спросить мать о том, кем был её настоящий отец. «Неужели это и вправду Бенджамин Каттер?» Документы, которые передала ей Флоренс Оукенхёрст, указывали именно на это. «Третьесортный сочинитель историй о ковбоях и краснокожих, уже много лет подвисавший на американском Диком Западе? Пьяница, которого гораздо больше интересовали салуны и прочие сомнительные заведения на границе с индейскими землями, чем родная дочь? Дочь, которую он хотя и объявил в документах своей наследницей, но не видел уже почти двадцать лет?»

Тряхнув головой, Мерси попыталась не думать о нём, равно как и не обращать внимания на озноб, бивший её после прогулки по улицам. Она умела согреться, спокойно сидя на месте и зная, что скоро ей станет теплее, и надеялась, что вопросы о собственном происхождении, терзавшие её, тоже отступят сами собой. Вероятно, в один прекрасный день всё это станет неважным, поэтому какая разница – парой вопросов больше, парой меньше. В жизни без вопросов всё равно не обойтись.

Бутылка перекатылась по столу и, звякнув, остановилась возле перегородки. Мерси внимательно рассматривала лежавшие внутри страницы, исписанные убористым почерком, скрученные в трубку и перевязанные шнурком. Через тёмное бутылочное стекло ей вряд ли удалось бы прочитать и самый обыкновенный текст, а уж закодированная тайнопись была для неё просто китайской грамотой. Она порылась в сумке и достала Лупу истины – чудесную библиомантическую вещицу, имевшую форму обычной лупы в изящной тяжёлой резной оправе. Если взглянуть через Лупу истины на страницы книги, можно было узнать истинные намерения её автора.

Мерси навела Лупу на бутылку и взглянула через неё. Обычно требовалось всего несколько мгновений – и Мерси захлёстывала волна переживаний автора, которые она ощущала как свои собственные. Однако в этот раз ничего подобного не произошло. Возможно, дело было в стекле бутылки, разделявшем Лупу и бумажный свёрток. Мерси прикидывала, не сломать ли сургучную печать на горлышке и не достать ли страницы, чтобы исследовать их подробнее. Однако, добывая для Седжвика пять других глав из Книги бутылочной почты, Мерси не проделывала ничего подобного. Поразмыслив, она сочла, что и начинать не стоит, тем более что непонятно, удастся ли ей что-либо выяснить с помощью Лупы. Возможно, тайнопись представляла для неё дополнительную трудность. Да и Седжвик сразу же заметит, что бутылку открывали. Мерси страшно не хотелось возбуждать его недоверие: комиссар всё ещё мог в любой момент заключить под стражу её и Темпест за убийство Эдварда Торндайка. Темпест выстрелила в Торндайка в отчаянии, чтобы спасти Мерси, но сейчас, несколько месяцев спустя, это вряд ли удастся доказать.

Девушка сунула Лупу истины обратно в сумку. Звук шагов библиотекаря по галерее стал громче: совершая обход, он снова приближался, поэтому Мерси быстро спрятала бутылку под раскрытую книгу. Подняв глаза, она заметила, как библиотекарь приветливо кивнул ей и направился дальше. Дождавшись, когда он уйдёт, она поставила бутылку, положила локти на стол, скрестила пальцы в замок и опёрлась на них подбородком. Как загипнотизированная,

она рассматривала страницы за коричневым стеклом, раздумывая над тем, какую же тайну они хранят, если и Седжвик, и даже Лоэнмуты готовы заплатить любую цену, чтобы узнать её.

Сама Мерси практически ничего не знала о Книге бутылочной почты, только то, что рассказал ей Всезнайка. Считалось, что эту Книгу написал в XIV (или, возможно, в XVI?) веке библиомант, алхимик и философ по имени Баррабас де Баррабас. Было очевидно, что это всего лишь псевдоним, потому что ни в какой другой связи это имя в мировых анналах не упоминалось. Означенный Баррабас пытался открыть ворота между вымыслом и реальностью. Библиоманту, который смог бы воспользоваться его указаниями, удалось бы попасть в любую книгу или перенести в реальный мир книжных персонажей.

Все эти измышления казались Мерси несбыточными мечтами. Обрывки слухов из третьих и четвёртых рук, затесавшиеся в мировую литературу, утверждали, что в конце концов Баррабасу удалось преодолеть черту, разделявшую выдуманный и реальный миры, прежде чем он осознал опасность, которую таит в себе неконтролируемое смешение действительности и вымысла. Тем не менее Баррабас не смог заставить себя уничтожить труд всей своей жизни и сжечь единственный экземпляр написанной им Книги. Вместо этого он разорвал Книгу на главы, рассовал их по бутылкам и во время своего переезда из Марселя на Мальту в разные дни выбросил эти бутылки за борт корабля, чтобы их не выловили вместе, а затем бесследно исчез. Покончил ли он счёты с жизнью, бросившись в море, или продолжил свои изыскания под своим истинным именем, никто не знал. Столетиями бутылки носились по волнам, пока каким-то непостижимым образом одну за другой их не выловили. Все они хранились в собраниях эксцентричных библиофилов как забавные курьёзы. Две главы Седжвику удалось достать самому, ещё пять добыла для него Мерси.

И вот перед ней восьмая, последняя, глава, та, которой недоставало для того, чтобы записи Баррабаса снова целиком очутились в одних руках. Именно в ней заключались все недостающие сведения, которые требовались Седжвику, чтобы наконец полностью расшифровать тайный код. В последнее время он всё настойчивее требовал от Мерси добыть ему недостающую часть Книги. Тот факт, что он не приказал полицейским просто-напросто взять штурмом Лаймхаус, святая святых мадам Ксу, говорил о том, каким влиянием старуха-китаянка пользовалась в Лондоне. С другой стороны, Академии удалось *уговорить* Ксу добровольно отдать им главу: можно было представить, какая огромная сила находилась в руках Трёх родов. При мысли о том, что и сама Мерси угодила в поле зрения этих ужасных людей, ей стало дурно. Теперь от невзрачной бутылки в её руках, от этой мутной заскорузлой стекляшки, удивительным образом пережившей столетия, зависела судьба всего, чем она дорожила.

Шаги библиотекаря снова раздались поблизости. На этот раз Мерси быстро сунула бутылку обратно в сумку, затем поспешно встала и направилась к выходу. Шаги позади неё смолкли, но Мерси не решалась обернуться. Седрик убеждал, что не следит за ней, однако кто-то другой незримо шёл по её следам, в противном случае Адамантовая академия не была бы так хорошо осведомлена о её делах с Филеасом Седжвиком.

Оставив за собой высокие коридоры и залы, Мерси наконец сбежала вниз по широкой лестнице главного входа в Британский музей и только теперь с облегчением перевела дух. Белые колонны фасада за её спиной делали здание музея похожим на античный храм.

– Неважно спали? – послышался мужской голос. – Ужасно выглядите. Но ничего, ведь ещё рано. Всё ещё может измениться.

– Мистер Шарпин. – Она даже не старалась скрыть свою неприязнь к нему.

– Мисс Амбердейл.

Примерно в пяти шагах от неё на верхней ступеньке лестницы стоял человек гигантского роста и развлекался тем, что колот орехи, сжимая их большим и указательным пальцами; на лестнице у его ног валялась кучка пустых скорлупок. На нём было длинное коричневое пальто, какое носили кебмены, из которого без труда получилась бы одежда для двоих человек нор-

мального роста. В чёрных волосах и окладистой бороде Шарпина мелькали серебряные нити, его пятерни по размеру напоминали навозные вилы. Уже много лет Шарпин неизменно правил каретой Седжвика, а также выполнял за него различного рода грязную работу.

– Я пришёл сюда по приказу комиссара.

– И что он от меня хочет? – Мерси незаметно подтянула к себе сумку с лежащей в ней главой из Книги бутылочной почты и коснулась её рукой. Шарпин являлся лишь прихлебателем Седжвика, он не чувствовал библиомантической ауры, исходившей от бутылки. Тем не менее исключить вариант, что он что-то знает, было невозможно.

– Мистер Седжвик ожидает вас в отеле «Савой» в три часа. В холле, как всегда.

– По какому поводу?

– Сами знаете.

– О господи, Шарпин, что именно он сказал?

Шарпин хитро глянул на девушку своими узкими глазками, наклонился и затем уставился на неё сверху вниз, как хищная птица, сидящая в засаде в густой листве:

– Возможно, у мистера Седжвика иссякло терпение. Возможно, он не понимает, почему вы так долго водите его за нос.

Это действительно было вполне вероятно. Она слишком долго откладывала кражу последней главы из Книги бутылочной почты, и Седжвик, понятное дело, пребывал от этого не в восторге.

– Держите свои догадки при себе, Шарпин. Ухаживайте за лошадьми, отскребайте грязь с их копыт – словом, делайте то, что вам подходит. Седжвик прислал вас, чтобы вы передали мне сообщение. Если это всё...

Правый угол рта Шарпина скользнул вверх в дьявольской усмешке, от которой Мерси прошиб холодный пот.

– Я достаточно повидал таких, как вы, мисс Амбердейл. Девиц, которые считают, что они – пуп земли, и хотят обвести вокруг пальца джентльменов вроде мистера Седжвика. Только с ним вы просчитались, мисс. Скоро он прикажет мне напомнить вам о соглашении, которое вы заключили с ним, без экивоков.

Мерси удивило не то, что Шарпин так грубо угрожает ей, а скорее то, что ему настолько доверял Седжвик. Она пообещала себе впредь лучше оценивать его.

– Вы что, шпионите за мной? – спросила она. – Следите за тем, что я делаю? Каждый день?

– Не считайте себя такой уж важной птицей, мисс Амбердейл.

– Откуда же вы узнали, что я здесь?

Он негромко рассмеялся:

– Комиссару Седжвику я нужен не затем, чтобы бегать по Лондону, вцепившись в подол вашей юбки, мисс Амбердейл. У него хватает других глаз и ушей на каждой улице. – Он кивнул в сторону широкой площади перед музеем, которая в столь ранний час практически пустовала.

Карета Седжвика стояла возле кованых ворот со стороны Грейт-Рассел-стрит. Только взглядевшись, Мерси заметила, что перед фасадами на другой стороне улицы стоит «бобби» – одетый в чёрное полицейский, один из тех, кто патрулировал город. Несколько лет назад им пришлось сменить свои цилиндры на круглые шлямы, с тех пор их можно было заметить в толпе издали.

– Это правда? – спросила Мерси. – Седжвик посылает полицейских шпионить за мной? Шарпина, очевидно, позабавил её вопрос.

– Может быть, и так, мисс Амбердейл. А может, и нет... – ухмыляясь, произнёс он. – Постарайтесь оставаться законопослушной гражданкой, и всё будет как надо.

Прихвостень Седжвика поднёс палец к полям своей шляпы и направился вниз по лестнице.

– В три часа в холле «Савоя», – не оборачиваясь, крикнул он, – не опаздывайте, иначе, как знать, вас туда могут и в наручниках привести!

Раскатистый смех Шарпина был слышен во всех уголках площади. Компания учёных, направлявшихся в музей, уставилась на него, пренебрежительно скривив рты. Шарпин кивнул им, прошёл через ворота и запрыгнул на козлы. Его высокий рост и тучность были обманчивы: если требовалось, он двигался с проворством ящерицы.

Мерси осталась стоять на лестнице. Плотнее запахивая воротник пальто левой рукой, она размышляла о том, похолодает ли ещё этой зимой.

4

– Он знает о том, что глава у тебя? – Стопка книг, парившая высоко над полом их книжной лавки, повинувшись приказу Темпест, аккуратно спланировала вниз.

– Седжвик? – Мерси пожала плечами. – Понятия не имею. Хотя удивительно, какое количество людей, оказывается, в курсе моей жизни.

– И это пугает тебя, – констатировал Филандер. Иногда ему нужно было произнести вслух вещи, очевидные для всех, как будто это помогало ему думать.

Он стоял, облокотившись на конторку для чтения, служившую в «Либер Мунди» прилавком. За его правым ухом торчал карандаш. С этим карандашом и в новом сюртуке он выглядел как заправский книготорговец: в эту картину не вписывались лишь его светлые волосы до плеч, которые он категорически отказывался подстричь.

– Нет, чёрт побери! – раздражённо откликнулась Мерси. – Знаешь, это льстит мне. Все только обо мне и думают. Какая прелесть! Конечно, у меня поджилки трясутся, и вообще-то все мы по логике должны перепугаться до смерти. – Она только что рассказала Темпест и Филандеру, какая судьба постигнет переулок Сесил-корт, если она не будет ходить по струнке. Она не сомневалась: Академия выполнит свою угрозу при первых признаках её неповиновения.

– Ты не хочешь рассказать об этом Артуру? – спросила Темпест. – Естественно, без подробностей. Но хотя бы упомянуть, что ты слышала о планах сноса Сесил-корта.

Мерси покачала головой:

– Что хорошего в том, что всю улицу охватит паника?

Гилкрист был кем-то вроде неофициального бургомистра улицы книготорговцев. Уже много лет именно он вёл переговоры с графом Солсбери, владевшим землёй, на которой находился Сесил-корт. Если бы снос квартала являлся делом решённым, он узнал бы о нём первым.

В окна лавки «Либер Мунди» падал тусклый дневной свет лондонской зимы. На другой стороне улицы старый мистер Барнстейбл переставлял книги у себя в витрине – сквозь изморозь на стекле смутно виднелся лишь его силуэт. Много лет назад Валентин утеплил окна, и с тех пор печное тепло держалось здесь дольше, чем у многих соседей, но ночные заморозки были слишком сильными.

– Тебе не следовало встречаться с Седриком одной. – Темпест скрестила руки на груди. – Как можно доверять агенту Академии?.. – Её короткие чёрные волосы были растрёпаны, кое-где в них застряла паутина. По всей видимости, она опять рылась в дальних углах книжного подвала под магазином. На руках у девушки красовались библиомантические шёлковые перчатки, которые Валентин завещал Мерси и с которыми оставил ей большую часть накопленных им знаний. Тому, кто надевал перчатки, становилось известно содержание всех книг, которые Валентин когда-либо читал.

– Но он настаивал на этом, – возразила Мерси.

Филандер вытащил из-за уха карандаш и негромко постучал по конторке, привлекая внимание:

– И что мешало тебе рассказать нам об этом, прежде чем отправиться туда?

– А вы что, просто так отпустили бы меня?

Темпест гневно взглянула на Мерси:

– Кто-то из нас мог хотя бы проводить тебя до моста.

Было понятно, на что она намекает. Хотя библиомантические способности Филандера по-прежнему не простирались дальше фокусов с выпусками «Грошовых ужасов», талант самой Темпест развивался не по дням, а по часам. С тех пор как у Темпест появилась сердечная книга, она с каждым днём становилась всё более умелой библиоманткой. Запас приёмов, которым могла научить её Мерси, подходил к концу. Филандер страшно гордился своей возлюб-

ленной, совершенно не завидуя ей, когда она, скажем, передвигала в воздухе стопки книг или оживляла сцены из своих любимых произведений, перенося их на потолок «Либера Мунди», словно спектакль театра теней.

– Если бы ты ждала меня на набережной, это ничего бы не изменило, – возразила Мерси. – И потом, ничего же не случилось. Кроме того, во всём этом есть и плюсы. Например, мне не придётся ещё раз навещать мадам Ксу.

Два с половиной года назад, во время первой попытки украсть для Седжвика главу из Книги бутылочной почты у старой китайки, погиб Гровер, старший брат Темпест. Это событие чуть не развело Мерси, Филандера и Темпест навсегда; тем драгоценнее для Мерси была их нынешняя дружба, и девушка вовсе не жаждала вновь подвергать её испытаниям. Кроме того, она категорически не хотела рисковать кем-то из своих друзей. Она радовалась, глядя на трогательные отношения между Филандером и Темпест, которая с тех пор, как они переехали со старого извозчичьего двора в квартале Сент-Жиль на чердак «Либера Мунди», буквально расцвела. Они втроём вели дела в лавке и худо-бедно сводили концы с концами, хотя сейчас это получалось у них главным образом за счёт сторонних заказов, за которые бралась Мерси, вроде поисков сорочьего гнезда на крыше Британского музея. Пока Мерси доставала деньги, Темпест усердно подготавливала почву для того, чтобы «Либера Мунди» наконец-то начала приносить прибыль и тем самым обеспечивала пропитание всем троим. Касательно книг Темпест заражала всех своим энтузиазмом, и не поддаться ему было практически невозможно. Даже Всезнайку она выносила со стоическим хладнокровием.

Вот и сейчас последний красноречиво кашлянул у себя в задней комнате, так что Мерси крикнула через открытую дверь:

– Ну что тебе?!

– Со своей стороны, миледи, – начал ветератор своим напыщенным тоном дворецкого, – если бы кто-нибудь взял на себя труд узнать моё мнение по данному вопросу, я вынужден был бы заметить, что вам по-прежнему нелегко признать, что вы не можете отвечать за всё сами. Вы слишком долго рассчитывали только на свои силы. Сейчас вы столкнулись с тем фактом, что ваш возможный отец не интересуется вами, в то время как другой мужчина, вряд ли имевший отношение к вашему рождению, испытывает по отношению к вам чувства, сходные с отеческими. В то же время последний джентльмен использует вас, что часто встречается в семьях *определённого круга*.

Открыв рот, Мерси уставилась в направлении задней двери, а Филандер широко ухмыльнулся. Темпест согласно кивнула, и у Мерси возникло впечатление, что оба просто-напросто сговорились со Всезнайкой в её отсутствие.

– Что, чёрт побери... – пробормотала она, подобрала грязный подол платья, чтобы не запачкать книги, лежавшие на полу, и поспешила в заднюю комнату.

Ветератор восседал там в полный рост. Он представлял собой живую пирамиду из книжных страниц, доходившую ей почти до пояса, которая непрерывно шевелилась, меняя очертания. В верхней части пирамиды страницы образовывали лицо с носом-картошкой, внизу из-под неё выглядывали две трёхпалые лапы (рук у ветератора не было). Сейчас лапы нервно притопывали по полу: очевидно, Всезнайка опасался, как бы Мерси не схлопнула его в кожаную папку, из которой он появлялся. Если он действовал ей на нервы своей болтовнёй, она не стеснялась даже придавить папку тяжёлым пресс-папье.

Стоя в дверях, Мерси подбоченилась:

– Что ты там говоришь об отцах и семьях *определённого круга*?

– Как вам известно, – пространно начал ветератор, – я имею доступ к десяткам тысяч книг. В их числе я хотел бы упомянуть издания, посвящённые новой науке под названием «психология». Если желаете, я мог бы процитировать труды Гербарта и Вундта, предметом которых является прежде всего...

– *Veterator recedite!*² – приказала Мерси.

– Да пусть бы болтал, – с улыбкой заметил Филандер за её спиной. – Он как раз начал рассказывать что-то интересное.

Всезнайка соорудил обиженную рожицу из книжных страниц и молниеносно уменьшился в размерах, как будто в полу под ним образовалась воронка. Последние страницы сами собой сложились в аккуратную стопку, а потом раскрытая кожаная папка, лежавшая на полу и до сих пор скрытая под лапами этого удивительного существа, захлопнулась. Мерси подняла её и положила в первый попавшийся открытый ящик комода. В задней комнате царил полный хаос, поэтому открытых ящичков тут имелось великое множество. Впрочем, это было очень удобно, если кто-то хотел сбросить внутреннее напряжение, хорошенько стукнув по чему-нибудь. Из папки, угодившей в ящик старого дубового комода, послышалось тихое ворчание.

– Он хотел как лучше, – заметил Филандер.

– Вы всегда с ним заодно, – пожаловалась Мерси.

Рядом с Филандером в дверях показалась Темпест:

– Потому что мы не запираем его в вонючий комод и не складываем на него грязные тарелки.

– Вам он и не действует на нервы!

– Что будем делать, если Седрик появится здесь? – спросил Филандер.

– Скажите ему, что меня нет. Съехала.

– Может быть, стоит всё же спросить ветератора? – Филандер снова ухмыльнулся. – Уверен, что он охотно прочёл бы нам лекцию и о чувствах, не сходных с *отеческими*.

– Очень смешно, – мрачно заметила Мерси.

– Этот тип работает на Академию. – Темпест вернулась к теме с прежним возмущением. – Он – олицетворение правящего класса тиранов и угнетателей. Но когда-нибудь оковы убежищ падут, и тогда...

Её тираду перебило звяканье дверного колокольчика. Темпест и Филандер обернулись. Мерси испуганно вскинула голову, пытаясь разглядеть за спинами остальных, что происходило в торговом зале.

Вошедший в лавку человек оказался полной противоположностью Седрика де Астарака. Он был коренаст и весьма упитан, от холода его лицо покраснело. Его густые усы были закручены в колечки и смазаны бриолином, на голове плотно сидела шляпа-котелок. Мужчина тщательно отряхнул снег, налипший на его сапоги, на коврик перед дверью и поприветствовал их с выспренной вежливостью.

– Добрый день, сэръ, – отозвалась Темпест. – Могу я быть вам полезна...

– Вряд ли, – гнусаво перебил посетитель. – Если позволите, я хотел бы осмотреться сам.

– Пожалуйста. Если у вас возникнут вопросы, будем рады помочь вам.

Даже не обернувшись к ней, человек направился вдоль стены, скептически разглядывая ряды полок.

Отвернувшись, Филандер скорчил рожу и продолжил сортировать бумаги по различным ячейкам, устроенным в стене позади конторки. Мерси осталась нерешительно стоять в дверях задней комнаты, ощущая себя совершенно лишней в своей же собственной лавке.

Темпест тем временем снова занялась книжной стопкой, но, вместо того чтобы снова заставить её воспарить силой мысли, она подняла её обеими руками с пола и убрала с пути привередливого посетителя. Человек в котелке чуть не столкнулся с ней, однако Темпест ловко увернулась и, лавируя между столами и другими стопками, отправилась своей дорогой. Наблюдая за ней, Мерси подумала, что годы, проведённые на улице, несомненно, сделали Темпест неуязвимой для чужих оскорблений.

² Ветератор, уходи! (*лат.*)

«Чего она, должно быть, только не наслушалась!»

Через несколько минут посетитель обратился к Филандеру:

– Молодой человек?

– Чем я могу вам помочь, сэр?

– Я полагаю, вы владелец этой лавки?

– Нет, сэр.

Мерси откашлялась:

– Владелица – я.

Человек в котелке наморщил лоб:

– Значит, это правда.

Темпест бросила ей предостерегающий взгляд.

– Что вы имеете в виду, сэр? – спросила Мерси.

– Что книжная лавка, которой заведует женщина, действительно существует.

– Я вполне владею навыками чтения, если вы собирались усомниться в этом.

– Нет-нет, в этом я не сомневаюсь. – По лицу посетителя скользнула покровительственная улыбка. – Однако боюсь, умение читать подразумевает нечто большее, чем умение складывать буквы в слова.

Филандер набрал было в грудь воздуха, но от вмешательства воздержался: он достаточно хорошо знал Мерси и понимал, что она в состоянии постоять за себя.

Мерси шагнула ближе к посетителю. За его спиной Темпест молча замотала головой, чтобы удержать подругу от запальчивых высказываний.

– Вы хотите сказать, что умение читать подразумевает наличие умения мыслить?

– Способности мыслить образно, дорогая моя. – Человек в котелке воинственно взглянул ей в глаза. – Здесь требуется талант читать между строк, понимать больше написанного. Дар абстрактного мышления.

– И вы утверждаете, что всё это исключительно мужские качества?

– Я ничего не хочу сказать, барышня, однако именно благодаря силе своего воображения и одновременно трезвости мысли Англия смогла вознестись до Британской империи. И вероятно, есть причины, по которым именно мужчины привели нашу нацию к процветанию.

– Я думаю, королева бы с вами поспорила.

– После смерти супруга королева редко появляется на людях. Она передала бразды правления министрам. – Человек в котелке снова улыбнулся. – Несомненно, смерть мужа стала для неё тяжкой утратой.

Мерси хотела было что-то возразить, когда Темпест перебила её:

– Мы только что получили пару редких экземпляров. Если вы пожелаете взглянуть на них, я к вашим услугам.

– Думаю, я видел достаточно, благодарю вас. – Он изобразил чопорный полупоклон, затем бегло кивнул в сторону Филандера. – Молодой человек, барышни, честь имею. – С высоко поднятой головой он вышел из лавки, аккуратно прикрыл за собой дверь и пошёл к снежной каше к магазинам на другой стороне улицы.

– Хоть бы он поскользнулся и ляпнулся как следует, – негодуяше проворчал Филандер, становясь между Мерси и Темпест у окна и вместе с ними наблюдая за чванливым посетителем.

Темпест пожала плечами:

– Он всё равно ничего не собирался покупать.

– Чего же он хотел? – спросила Мерси.

– Поглазеть на нас, чтобы потом похвалиться друзьям, что был здесь. «Представляете себе, я видел их собственными глазами. И этого жалкого субъекта, который служит у них, тоже. Да, этого несчастного мальчика на побегушках, этого...» – Тут Темпест завизжала, потому что Филандер с негодующим воплем ушипнул её в плечо. Вопя и хохоча, они начали гоняться друг

за другом, лавируя между стопками книг, пока наконец Темпест не юркнула в заднюю комнату и, заливаясь смехом, не побежала вверх по лестнице.

Филандер последовал за ней, на ходу передразнивая посетителя:

– «Барышня! У вас полностью отсутствует способность мыслить образно. И никакой силы воображения. Только настоящие мужчины приведут нашу нацию к процветанию! Непреклонные мужчины!» – Темпест завизжала, когда он настиг её на уровне второго этажа. – «Беспощадные мужчины!»

Мерси закатила глаза и бросила взгляд на напольные часы, стоявшие между книжными полками. Подойдя к дверям задней комнаты, она крикнула:

– В час у меня назначено свидание с Флоренс! У неё есть какие-то новости о Каттере, которые она обещала рассказать мне. Вы меня слышите? Эй!

Сверху по-прежнему доносился визг, к которому теперь присоединились звуки борьбы.

– Я ушла!

– «Барышня-а-а!» – снова дурашливо завопил Филандер.

– Эй, я серьёзно!

– «Беспощадные мужчины!»

Вздыхнув, Мерси натянула пальто, дважды открыла и закрыла дверь, чтобы колокольчик прозвенел подольше, и вышла из сонного тепла лавки на зимний холод.

5

– Когда-то мой отец заложил здесь свою любимую книгу, и вот я иду по его стопам, – произнесла Флоренс Оукенхёрст нарочито непринуждённым тоном, но Мерси видела, насколько напускное её спокойствие. То, что происходило на её глазах, было равнозначно публичному объявлению о банкротстве.

На противоположной стороне Пентон-стрит, в двух шагах от Хаймаркета, размещалась неприметная лавочка. В неё вела узкая дверь, тёмно-зелёные занавески на витрине были плотно задёрнуты. Уже отсюда, с другой стороны улицы, было заметно, что дверь лавочки покосилась и еле держалась в петлях, а вывеска над витриной выцвела и заржавела. На грязном фоне красовалась серая надпись: «Ломбард Фаворитов».

– Ты уверена, что тебе удастся достать здесь денег? – скептически поинтересовалась Мерси. – Это место выглядит так, будто его хозяин может просто шарахнуть тебя по голове и забрать твою любимую книгу бесплатно.

Повернувшись лицом к витрине, возле которой стояли девушки, Флоренс критически окинула взглядом своё отражение.

– Я выгляжу так, будто не спала несколько ночей. Впрочем, это вполне соответствует действительности. – Она выпрямилась, расправила плечи и снова взглянула через дорогу на жалкую лавочку. – Приходят как-то раз две девицы к ростовщику, одна блондинка, другая рыжая...

Флоренс была на полголовы выше Мерси. Свои растрёпанные волосы девушка попыталась забрать под фиолетовую шляпку, однако укротить строптивые локоны оказалось не так-то просто. Ей то и дело приходилось сдвигать с лица непослушные пряди, каждый раз при этом изо рта у неё вырывалось облачко пара. Флоренс говорила правду, что под глазами у неё залегли глубокие тени: она почти круглые сутки боролась за то, чтобы «Издательская компания Оукенхёрст» оставалась на плаву. Несмотря на то что принадлежащее девушке издательство регулярно выпускало по десятку новых «Грошовых ужасов», банкротство грозило детищу Флоренс чуть ли не каждую неделю. Малахайд, автор, которого прежде раскупали лучше всего, был мёртв, и, хотя Флоренс по-прежнему пользовалась его именем (как для издания историй своего собственного сочинения, так и для переиздания старых произведений Малахайда под новыми названиями), читатели, похоже, почуяли обман. Бенджамин Каттер, второй автор, на которого рассчитывала Флоренс, сочинявший побасёнки о приключениях на Диком Западе за бутылкой джина в американских салунах, по-прежнему присылал ей свои рукописи, однако они доходили до Лондона всё менее регулярно. Другие же авторы, которых публиковала Флоренс, сидели в своих каморках в бедняцких кварталах Лондона и строчили, выбиваясь из сил. Сама издательница ночами пыталась сочинить что-то, что спасло бы её от разорения, и публиковала свои произведения под полудюжиной псевдонимов. Несмотря на всю эту лихорадочную деятельность, в настоящее время издательству «Оукенхёрст» снова грозило банкротство, и только лавочка напротив могла помочь Флоренс удержаться на плаву ещё полтора-два месяца.

– Если бы я могла, я бы помогла тебе, – произнесла Мерси. – Но сейчас, когда «Либер Мунди» не приносит почти никаких доходов, я сама едва в состоянии платить за аренду.

Флоренс ослепительно улыбнулась, взяла Мерси за плечи и поцеловала подругу в щёку.

– Я бы всё равно ничего от тебя не взяла. – Лукаво прищурившись, Флоренс слегка улыбнулась. – Разве что без твоего ведома. – Девушка торжествующе показала Мерси Лупу истины, которую незаметно выудила из кармана её пальто. Она пару раз качнула Лупу в пальцах, как маятник, держа её за ручку, и отдала обратно Мерси.

Та рассеянно взвесила чудесную вещицу на ладони и сунула обратно в карман.

– Разве не у меня тут репутация воришки?

- Тяжёлые времена способствуют развитию дурных привычек.
- Если придётся совсем туго, я по-прежнему смогу продать её. В самом крайнем случае.
- Что угодно, только не книги Валентина, – понимающе кивнула Флоренс.

Мерси покачала головой. Разумеется, она унаследовала книжную лавку, и, разумеется, она занималась продажей книг, которые остались в ней после смерти Валентина. Но одно дело – передавать несколько книг в день на бережное попечение других библиофилов за достойную плату, и совсем другое – уступить сразу всю библиотеку одному из конкурентов по бросовой цене, потому что больше ничего не остаётся.

Флоренс, унаследовавшая своё издательство от отца и испытывавшая к нему те же чувства, что и Мерси к «Либер Мунди», понимала подругу, как никто другой. Однако жизнь у Флоренс сейчас была не в пример сложнее, чем у Мерси: помимо издательских расходов, она выплачивала долг за лечение. После нападения Торндайка ей пришлось провести в больнице несколько недель.

Мимо них проехала карета, запряжённая четвёркой лошадей: из-под копыт на подола обеих девушек полетели брызги снежной каши. Они отскочили, выкрикивая оскорбления в спину кучера. Чертыхаясь и кое-как отряхнувшись, подруги ободряюще переглянулись и наконец двинулись в направлении «Ломбарда Фаворитов».

Дверь оказалась заперта. Флоренс взяла дверной молоток и постучала.

– Может быть, эта лавка уже давно закрылась, – заметила Мерси, тщетно надеясь всё-таки отговорить Флоренс от её решения. Через дверь она ощущала мощную библиомантическую ауру: внутри хранилось что-то очень непростое. От пальцев ног до корней волос по коже побежали мурашки.

Изнутри послышался скрежет отодвигаемого засова, и дверь приоткрылась. Сначала Мерси показалось, что за ней никого нет; потом она перевела взгляд ниже и увидела сухое старушечье личико, покрытое пигментными пятнами и морщинами, словно древний книжный переплёт. Старуха так узко сощурила глаза, что они казались закрытыми. Её седые волосы были заплетены в косу, перекинутую вперёд через плечо и спускающуюся ниже пояса.

– Покупаете или продаёте? – спросила она хриплым голосом.

– Продаём, – ответила Флоренс. – Добрый день, моё имя...

– Дурные нынче времена, – перебила её старуха. – Все только и хотят, что продавать, а покупать никто не покупает. Цены-то ползут вниз, сразу вам говорю. Заходить будете? Будете показывать, что там у вас?

Мерси ткнула Флоренс в бок и затрясла головой.

Однако Флоренс не обратила на это внимания и произнесла:

– Непременно.

Старуха издала звук, отдалённо напоминавший хихиканье, и отступила, пропуская их в лавку. Со всех сторон девушек объял тяжёлый книжный дух – почти как в «Либер Мунди», однако здешняя лавка настолько пропиталась библиомантикой, что Мерси инстинктивно сунула руку в карман пальто и взялась за свою сердечную книгу. Обложка «Наставлений Мамаши-из-Борделя для молодых распутниц» задрожала под её пальцами.

Внутри ломбард представлял собой очень высокое длинное и узкое помещение, не больше двух шагов в ширину и пятнадцати в глубину. Вдоль обеих стен до самого потолка в три человеческих роста возвышались книжные полки. Кроме того, слева вдоль стены тянулся длинный прилавок, как в бакалейной лавке. В узком проходе, оставшемся свободным, еле-еле могли разойтись два человека. К полкам были привешены две съёмные лестницы на колёсиках, которые от прикосновения руки двигались туда-сюда по всей длине ломбарда. Впрочем, концентрация библиомантики в лавке была такой, что Мерси сомневалась, что кому-нибудь здесь понадобилась бы лестница. В таких условиях даже не слишком одарённые библиоманты могли без особого труда воспарить в воздухе.

Ломбард освещался коричневатым светом, словно просачивавшимся сквозь пожелтевшую бумагу. Однако никому из посетителей лавки не пришло бы в голову *читать* выставленные здесь книги, чтобы купить одну из них. При приобретении издания такого рода всё решало совсем не их содержание.

– Ну-ка, ну-ка, давайте-ка посмотрим, что тут у нас, – произнесла старуха, вернувшись за прилавок. Она была такая низенькая, что из-за прилавка виднелись только её голова и плечи. Она не обращала никакого внимания на Мерси, однако как нельзя более пристально разглядывала Флоренс. – Скажите-ка, моя милая, мы с вами знакомы?

Флоренс отрицательно покачала головой:

– Но мой отец был у вас несколько лет назад.

Старуха удовлетворённо кивнула:

– Да, в этом, вероятно, всё дело. Наверное, его книга ещё стоит здесь, и я чую сходство между исходящей от неё аурой и вашей.

Флоренс решительно поставила свою тяжёлую сумку на прилавок. Сверху в ней лежала её собственная сердечная книга, невзрачное пособие по садоводству. Старуха попыталась взять его в руки, однако Флоренс непреклонно потянула книгу к себе. Под учебником в сумке обнаружили ещё три тома, все с коричневыми кожаными корешками с золотым тиснением, гласившим: «Граф Монте-Кристо». Это было первое англоязычное издание романа Александра Дюма 1846 года.

– Так-так, – пробормотала старуха, выложив все три тома на прилавок и пристально разглядывая их.

– Это очень ценные книги, их быстро купят, – вставила Мерси, – даже если они не...

Старуха подняла левую руку, призывая девушку помолчать. Правую руку она попеременно положила на каждую из трёх книг, сощурила свои и без того узкие глазки, а затем глупо вздохнула и выдохнула.

Мерси и Флоренс переглянулись.

– Будьте любезны, наклонитесь ко мне.

Когда Флоренс послушалась, старуха положила ей руку на лоб, замерла и коротко кивнула:

– Да, это и вправду ваши любимые книги.

– Мой отец подарил мне их, когда я была маленькой. Это мои первые собственные книги. Он боготворил Дюма, но его любимой книгой был не «Граф Монте-Кристо», а...

– «Чёрный тюльпан», – перебила её хозяйка ломбарда.

– Так вы его помните?

– Я помню эту книгу. Она стоит в четвёртой секции, во втором ряду сверху, номер тридцать семь.

– Вы так и не продали её?

– Ещё не пришёл человек, которому она предназначена. Но рано или поздно кто-нибудь явится.

«Ломбард Фаворитов» занимался тем, что давал библиомантам деньги в долг под залог их любимых книг, но принести они могли всего одну книгу – единственную, особенную, когда-то впечатлившую их больше, чем какая-либо другая. Клиентам ломбарда давалось четыре недели на то, чтобы выкупить книгу обратно. Если это не удавалось им, книга переходила в собственность ломбарда и её мог купить кто угодно. Чтобы получить под залог деньги, человек имел право принести сюда только тот экземпляр книги, которому когда-то безоглядно отдал своё сердце. Это являлось неременным условием сделки.

Книги, бывшие любимыми, излучали особую энергию, не такую, как сердечные книги, но тоже весьма мощную. Обладание любимой книгой другого библиоманта было излюбленным способом усилить собственную мощь, разумеется, при условии, что библиомант обладал

достаточной суммой денег, чтобы купить такую книгу. Тома, стройными рядами стоящие на полках ломбарда, объединяло одно: их цена была поистине заоблачной.

К несчастью, сумма, которая выплачивалась под залог этих книг тем, кто скрепя сердце приносил их сюда, таковой совсем не являлась.

Когда из уст старухи прозвучали слова «Чёрный тюльпан», Мерси увидела, как лицо Флоренс озарила надежда. Девушке отчаянно захотелось заполучить эту книгу. Если бы ей удалось выкупить любимое произведение своего отца из этой мрачной лавки, похожей на склеп, в определённом смысле она бы вернула домой частичку отцовской души.

– Многие книги пылятся здесь долгие годы, и никто ими не интересуется, – продолжала владелица ломбарда. – Однако это ничего не говорит ни о самих книгах, ни об их прежних хозяевах. Но однажды появляется человек, которому та или иная книга предназначена судьбой. Приходит и направляется прямо к нужной полке, словно это само собой разумеется. Собственно, в обычных книжных лавках происходит примерно то же самое. Не правда ли, мисс Амбердейл?

Мерси встрепенулась:

– Вам известно моё имя?

– Я знавала Валентина Амбердейла. И «Либер Мунди» тоже.

– Он бывал здесь?

– Три или четыре раза, но это было давно, ещё до вашего рождения. Каждый раз он оставлял в залог свою любимую книгу, он часто нуждался в деньгах, чтобы спасти свою лавку. И каждый раз за день до истечения срока выплаты он являлся сюда с деньгами и выкупал её обратно.

Мерси знала, что в число любимых книг Валентина входило несколько романов. Определить ту самую, единственную, любимую книгу она бы не смогла.

– Какую же книгу он приносил вам?

– Мы соблюдаем конфиденциальность, мисс Амбердейл. Это ломбард. Люди поверяют нам свои самые сокровенные тайны. Людям не понравится, если мы будем выдавать сведения об их любимых книгах первому встречному. На самом деле многие просто-напросто стыдятся правды. На словах люди превозносят Мередита³ и Троллопа⁴, а дома, сидя в кресле, они зачастую глотают любовные романы и леденящие кровь историйки. Или разбойничьи романы того же Зибенштерна.

Мерси задержала взгляд на хозяйке ломбарда.

«Почему она упомянула именно Зибенштерна, этого странного немца, который никогда не пользовался популярностью в Англии? Что ей было на самом деле известно о Мерси и о роли, которую книги Зибенштерна сыграли в истории с Малахайдом-Торндайком?»

Однако, прежде чем Мерси успела задать хотя бы один из вопросов, вертевшихся у неё в голове, ломбардщица снова обратилась к Флоренс, нервно переминавшейся с ноги на ногу:

– Хотите сдать сразу три тома? Разумеется, вы понимаете, что на многотомное издание будет сложнее найти покупателя. Любимые книги здесь используются не для чтения, а для кое-чего другого. – Что-то прикинув в уме, старуха назвала Флоренс сумму. Сумма оказалась невысокой, но и не столь мизерной, как опасалась Мерси.

На лице у Флоренс, тоже неплохо умевшей обводить других вокруг пальца, читалось, что ей до смерти хочется ещё поторговаться. Но старуха опередила её:

³ Джордж Мередит – ведущий английский писатель Викторианской эпохи, одним из основных доходов которого была работа в качестве редактора в различных издательствах.

⁴ Энтони Троллоп – английский писатель, один из наиболее успешных и талантливых романистов Викторианской эпохи.

– Я знаю, о чём вы думаете, мисс Оукенхёрст. Вы правы. Но я вам не Армия спасения. Соглашайтесь или уходите. – Она отодвинула стопку из трёх томов от себя, пока они не упёрлись в сумку молодой издательницы.

К вящему удивлению Мерси, её подруга кивнула:

– Вы выиграли. Я согласна.

– Это не выигрыш. И не проигрыш. Это сделка. Однако я не собираюсь уговаривать вас на то, о чём вы впоследствии можете пожалеть.

Флоренс прикусила губу.

– Хорошо, – в конце концов сказала она.

Лицо старухи озарилось загадочной улыбкой сфинкса, и она снова придвинула стопку из трёх томов к себе. Сунув руку под прилавок, она вручила Флоренс конверт. Сумма, содержащаяся в нём, была, очевидно, назначена и отсчитана ещё до прихода Флоренс.

Флоренс пересчитала купюры.

– Я бы хотела посмотреть, что у вас есть, – произнесла Мерси.

– Разумеется, барышня.

– Иди сюда, – позвала она подругу, которая скрепя сердце спрятала конверт.

На другом конце длинной узкой лавки было темно. Света едва хватало, чтобы с трудом разобрать названия на корешках книг, выстроившихся на полках. В узкой задней стене находилась дверь, и интуиция подсказывала Мерси, что за ней скрывается не контора и не склад.

– Там, дальше, есть ещё помещение?! – воскликнула она, обращаясь к старухе, всё ещё перелистывавшей трёхтомник Дюма.

– А вы что думали, это всё, что мы предлагаем?

– Можно посмотреть?

– Дверь устроена там именно для этого.

Мерси взялась было за ручку двери, но Флоренс умоляюще вцепилась в неё:

– Я бы хотела побыстрее сбежать отсюда. Иначе я просажу здесь всё, что у меня есть, и обанкрочусь ещё до выходных.

– Мы ненадолго. – Мерси открыла дверь и переступила порог. Занося ногу, чтобы перешагнуть через него, она почувствовала, что это не обычный проём, ведущий из комнаты в комнату. Задняя дверь «Ломбарда Фаворитов» представляла собой библиомантический портал, а зал, открывшийся их взорам, представлял собой не что иное, как убежище.

– Боже милосердный, – прошептала Флоренс. – Ты знала об этом?

– Нет.

Флоренс недоверчиво уставилась на подругу.

– Только предполагала.

Из-за прилавка за их спинами послышался голос старухи:

– Закройте за собой дверь, иначе опять налетит эта мошकारа. – Помолчав, хозяйка лавки добавила: – И не пытайтесь ничего украсть. Я узнаю об этом.

– Вы что-то там говорили о конфиденциальности? – возразила Мерси.

– Если вы хотите обсудить что-то с глазу на глаз, не стесняйтесь. Я не подслушиваю.

– Конечно, подслушивает, – шепнула Флоренс так тихо, что её едва расслышала даже Мерси.

– Ни в коем случае, – возразила хозяйка.

Мерси прикрыла за собой дверь и вновь повернулась к огромному залу, открывшемуся перед ними. Зал напоминал центральный неф готического собора с высокими стрельчатыми окнами, в которых сияли разноцветные витражи, с двумя рядами массивных колонн, со сводчатым потолком, где, переплетаясь, сходились «рёбра» колонн. Дверь, через которую вошли девушки, располагалась на возвышении, поэтому отсюда хорошо просматривался весь зал; вниз вела широкая лестница. Глазам Мерси и Флоренс открылся целый лабиринт из книжных

полок в несколько метров высотой, настоящий город, улицы которого обрамляли ряды книжных корешков. Сквозь витражные окна на библиотеку падали пёстрые солнечные блики.

– Я туда не пойду, – произнесла Флоренс.

Мерси подумала о том, какие сокровища, должно быть, таились на этих книжных полках. Стоило ей углубиться в лабиринт, и соблазн отправиться на их поиски перевесил бы любые доводы рассудка, она прекрасно понимала это. Любовь к книгам, которую Мерси надолго утратила после гибели Гровера в Лаймхаусе, после её возвращения в «Либер Мунди» расцвела в её душе с невиданной до сих пор силой.

– Что это может означать? – спросила Флоренс. – Что-то вроде испытания?

– Вопрос в том, для кого оно предназначено.

По книжным корешкам, рядами стоящим на ближайших к выходу полках, стайками и поодиночке порхали оригами. Заметив приоткрытую дверь, некоторые из них скачками стали продвигаться в её сторону, теперь же, когда дверь захлопнулась, оригами вернулись в книжный лабиринт.

С той стороны двери донёлся голос хозяйки:

– Это просто-напросто наш склад. Испытание, говорите, – скажите на милость!..

– Она нас всё-таки подслушивает, – заметила Мерси.

– Вы слишком громко беседуете! – откликнулась старуха.

Мерси спустилась на несколько ступенек вниз, таща за собой упирающуюся Флоренс.

– Ты уверена, что хочешь оставить здесь «Графа Монте-Кристо»?

Флоренс вздохнула:

– Это всего лишь книги. Возможно, нам стоит смириться с этой мыслью.

– Бог с ними, с книгами, речь о тебе. Что станет с тобой, если ты сдашь их в этот ломбард?

– Я же могу выкупить их обратно. Как это удавалось Валентину.

– За четыре недели тебе ни за что не удастся собрать необходимую сумму.

– О боже, Мерси, ну, значит, мне просто не повезло! Но это всё, что мне сейчас остаётся! – Флоренс в гневе замахала руками, как она всегда делала, выйдя из себя, а на свете существовало множество поводов, которые могли за считанные секунды привести Флоренс Оукенхёрст в ярость. – Пошли, я хочу уйти отсюда немедленно.

Мерси набрала в грудь воздуха и медленно кивнула, продолжая, однако, стоять на ступеньках, повернувшись к лабиринту книжных полок, другой конец которого терялся в полумраке готического зала. «Сколько же библиомантов были вынуждены продать свои любимые книги, чтобы заполнилось это пространство?»

– Должно быть, это место существует уже целую вечность, – произнесла она. – Возможно, оно гораздо старше Алого зала и Адамантовой академии.

Казалось, Флоренс подозревала, какие мысли занимали Мерси.

– Ты не можешь вернуть прежние времена. Род Антиква, род Розенкрейц... всё это давно кануло в Лету. Существуют обстоятельства, против которых бессмысленно бунтовать, и Академия в их числе. Нам остаётся только смириться с ними.

– Темпест придерживается другого мнения. В последнее время она только и говорит о несправедливости власти Академии. И вообще-то она права.

Флоренс приложила палец к губам:

– Нам не стоит обсуждать это в подобном месте.

– Напротив, именно здесь мы можем говорить об этом. Ведь это место не принадлежит Академии. Оно гораздо старше её.

– В этом можете даже не сомневаться, – ввернула хозяйка ломбарда из-за двери.

Флоренс сняла шляпку и нервно взъерошила волосы.

– Она ничего никому не скажет, – успокоила её Мерси.

– Почему ты так в этом уверена?

Причин быть уверенной у Мерси действительно не было, однако по какой-то необъяснимой причине она чувствовала себя здесь легко. Атмосфера, витавшая в месте последнего упокоения тысяч любимых книг, внушала ей доверие. В библиомантике, царившей тут, ощущалась первозданная древность, которую не коснулись интриги Трёх родов. Источником здешней книжной магии служила исключительно любовь к печатному слову.

Повинуясь внезапному наитию, Мерси произнесла:

– Это место существует не затем, чтобы продавать книги. Это место олицетворяет то, чем когда-то была библиомантика. Оно хранит воспоминание... воспоминание о мироощущении.

Флоренс озабоченно взглянула на подругу, словно тревожась за неё, но не попыталась удержать, когда Мерси спустилась вниз по ступенькам, ступила на пол «собора» любимых книг и остановилась возле одного из входов в лабиринт.

– Это правда, – произнесла старая хозяйка ломбарда, и в этот раз её голос прозвучал ближе. Обернувшись, Мерси и Флоренс увидели старуху на верхней ступеньке лестницы. Ни одна из девушек не слышала ни скрипа открывшейся двери, ни шагов. – Подобных мест осталось на свете немного, можно пересчитать по пальцам. Старинные лабиринты литературы. Они создавались не для того, чтобы выбраться из них в какое-то другое место, а, напротив, специально для того, чтобы затеряться в них, доверить книгам свою судьбу и неспешно перебираться от истории к истории. Здесь не действуют законы Академии, сюда нет входа ни отрядам полиции, ни агентам Трёх родов.

– Но ведь это убежище, – возразила Флоренс.

– Да. Древнейшее из существующих, – подтвердила хозяйка. – Его создали, когда устанавливались правила библиомантики. Одно из правил гласит, что членам Алого зала и их наследникам сюда нет доступа. Они не войдут, даже применив силу. Они попросту не вписаны в судьбу этого места. История библиомантики, от давнего прошлого до далёкого будущего, занесена в Книги творения, и, пока никому не придёт в голову переписать их, этому и другим подобным местам ничто не угрожает.

– Но Три рода знают об их существовании, не так ли? – уточнила Мерси.

– Разумеется. Им просто не приходит в голову заниматься нами. Даже Академия и её слуги не в состоянии бороться с тем, что предопределено.

– Кто установил и записал эти правила? – продолжала Мерси. – Праматерь Федра Геркулания?

– Нет. Их установил истинный создатель библиомантики. – Старуха замолчала, и по её лицу было видно, что она не расположена продолжать беседу. – Так вы решились?

Флоренс кивнула.

Мерси поднялась обратно по ступенькам до места, где стояла Флоренс, и с тоской взглянула через плечо на лабиринт любимых книг, который ей так не хотелось покидать. Стайки оригами прыгали с полки на полку, спускались порезвиться в проходы и вновь прятались между книжных корешков. Мерси могла бы наблюдать за ними бесконечно.

– Ладно, пошли, – в конце концов сказала она. Ей больше не хотелось уговаривать Флоренс не связываться с ломбардом. Решение заложить свой любимый роман приняла её подруга, а не она, и, возможно, имелись веские причины считать его правильным.

Отворив маленькую дверь, они вернулись в лавку, попрощались со старухой и вышли из «Ломбарда Фаворитов» на улицу с ощущением, что только что повернулись спиной к мечте. Холодная грязная лондонская действительность снова держала их в своих когтях. Попрошайка, мимо которого шли девушки, грозил им своим костылём, а мальчишка-газетчик выкрикивал им в лицо неправдоподобные заголовки.

Подруги молча шли в направлении восточной части города. Мерси поймала себя на мысли, что ей приходится прилагать усилия, чтобы припомнить их разговор со старухой. Воспоминания о лабиринте-библиотеке, скрывавшейся за маленькой дверцей, тоже стали зыб-

кими. Они успели дойти до Касл-стрит, на которой должны были разойтись в разные стороны, когда Флоренс – возможно, именно потому, что её воспоминания о «Ломбарде Фаворитов» тоже становились всё более бесформенными, – затронула новую тему.

– Что с твоей поездкой в Глостершир? Эта Фиона Ферфакс ещё писала тебе?

Мерси кивнула, ответив:

– Она собирается сама скоро приехать в Лондон. Вероятно, она будет здесь проездом.

Флоренс, казалось, огорчилась:

– Я бы с радостью съездила с тобой в Котсуолдс. Я уже сто лет никуда не выбиралась из города.

– Я бы сама с удовольствием туда выбралась. – Мерси всё сложнее становилось удерживать в памяти облик ломбарда и события, произошедшие в нём.

Флоренс просияла:

– Я так хотела бы куда-нибудь съездить вместе с тобой! На море. Хорошо бы наконец увидеть пирс. И закат, когда солнце погружается в воду.

Рассмеявшись, Мерси обняла её:

– Да, было бы здорово.

– Но у нас нет денег!

– Должны же когда-нибудь наступить лучшие времена.

Флоренс скептически огляделась: грязная улица, прохожие в обносках, обветшавшие фасады...

– Угу, всё к тому идёт.

Они уже попрощались и разошлись, когда Флоренс, вспомнив что-то, остановилась, сунула руку в свою необъятную сумку и, вытащив оттуда какой-то документ, поспешила догнать Мерси.

– Чуть не забыла.

– Что это?

– Смотри сама. – Флоренс вручила ей печатный формуляр, в который от руки были вписаны имена и какие-то примечания.

– Договор аренды?

– Да, аренды склада. Я нашла его у себя в архиве среди всякой чепухи. На документе стоит подпись моего отца, но он заключил его от имени и по поручению Бенджамина Каттера. И если Каттер действительно твой отец, он бы, вероятно, хотел, чтобы я передала его тебе.

Мерси бросила взгляд на адрес:

– Это в Уоппинге, где-то в районе доков. Что у него там может храниться?

– Книги. Об этом говорится на обратной стороне.

Мерси перевернула документ. И действительно, там упоминались только книги, и ничего больше.

– Много лет назад, уже уехав в Америку, Каттер просил моего отца распорядиться имуществом из его лондонской квартиры. Всё, что он хотел оставить, отец перевёз на хранение на этот склад, всё остальное раздали бедным.

Флоренс поправила свою фиолетовую шляпу. Кажется, она уже вполне оправилась от вылазки в книжный лабиринт. Как и Мерси, которая теперь тоже полностью вернулась в лондонскую действительность.

– Может, что-нибудь из того, что ты найдёшь там, пригодится тебе в лавке, – продолжала Флоренс, кивнув на документ. – Ты предъявишь это, и тебе разрешат войти.

– Спасибо.

Мерси пока не понимала, как ей следует воспринимать эту находку, потому что по-прежнему терялась в догадках, какую роль играл Каттер в её жизни. Для неё он был чужим человеком, который по каким-то неизвестным причинам принимал участие в её жизни, любые дру-

гие предположения пока казались беспочвенными из-за отсутствия информации. Кроме того, после знакомства с матерью, обернувшегося катастрофой, Мерси сомневалась, что хочет увидеться с отцом.

– Арендная плата за склад поступает с того же счёта, на который будут переводиться твои гонорары, если Каттер умрёт. – Глаза Флоренс заблестели. – То есть денег там должно быть достаточно. Ты могла бы попробовать расторгнуть договор и попытаться добраться до остатка на счёте.

– Но это же не мои деньги, а Каттера.

– Да какая разница, – отмахнулась Флоренс. – Кто будет за этим следить?

– Каттер, например.

– Каттер пьёт горькую где-то в Юте. Или в Аризоне. Он даже не узнает, если ты немножко...

– Его ограблю?

Флоренс чмокнула подругу в лоб, произнеся:

– Ты слишком хороша для этого мира.

– Вот уж нет!

– Я знаю. – Весело помахав на прощание, Флоренс пошла вниз по улице в направлении Трафальгарской площади, оскальзываясь на замёрзших лужицах. – Счастливо! И не забывай, мы вместе собрались на море!

Вздохнув, Мерси улыбнулась ей в ответ, сунула документ в сумку, бросила взгляд на хлипкие часы Валентина – и тут её словно поразило громом, она вспомнила, что у неё назначено свидание в «Савое», вспомнила о Седжвике и о последней главе Книги бутылочной почты.

6

– Мисс Амбердейл, как кстати!

– Мистер Седжвик.

Встречаясь в холле отеля, они всегда приветствовали друг друга одними и теми же словами, как будто придерживаясь некоего церемониала, прописанного для их встреч. В голове у Мерси мелькнуло смутное воспоминание о словах хозяйки «Ломбарда Фаворитов». Она что-то говорила о судьбе и предназначении... И то и другое сейчас казалось Мерси неподъёмно тяжёлым, как будто кто-то взвалил ей на плечи пару мельничных жерновов. С некоторых пор Мерси жила с ощущением, что все большие решения в её жизни принимаются не ею самой, а кем-то другим – Седриком, Седжвиком. Или просто происходят под давлением обстоятельств.

Комиссару Седжвику было около шестидесяти лет. Пробор в седых волосах выглядел безукоризненно, дорогой костюм, в переднем кармане которого торчал платочек, сидел на высокой фигуре как влитой, весь облик довершала трость. В его улыбке угадывалось самообладание с намёком на угрозу. У шефа лондонской полиции, должно быть, было множество врагов, и, вероятно, именно поэтому он умел сохранять невозмутимость при любых обстоятельствах. За два с половиной года знакомства с ним Мерси ни разу не удалось узнать, что скрывается за этой невозмутимостью, понять, что же он за человек на самом деле. Бывало, она подолгу размышляла о нём, однако ей никогда не удавалось угадать, что он скажет или сделает в следующий раз.

Тем больше Мерси удивилась, что в этот раз, как только они уселись в тяжёлые кожаные кресла в одном из дальних углов холла, Седжвик сразу перешёл к делу. Они всегда встречались для беседы именно здесь, и всегда в одно и то же время. И каждый раз дверь, ведущая в салон рядом с ними, была открыта. В салоне проходили встречи Клуба послов: высокопоставленные представители Адамантовой академии заседали здесь в облаках ароматного трубочного и сигарного дыма, неспешно беседуя о событиях, творившихся в мире. Седжвик тоже был послом Трёх родов, однако Мерси никогда не видела, чтобы он бывал в клубе. Хотя, несомненно, место их встречи, рядом с клубом, он выбрал не случайно.

Лакей в ливрее, дежуривший возле входа в салон, следил, чтобы туда не входили люди, не имевшие на это права, – в первую очередь женщины. Клуб послов являл собой исключительно мужской мир – мир, отделанный красным деревом и кожей, мир массивных дубовых панелей на стенах, пахших мастикой.

– Мисс Амбердейл?

Голос Седжвика вернул её к действительности. Краем глаза она заметила пренебрежительную улыбку портье и про себя решила поместить его на пару строчек повыше в тайном списке её заклятых врагов.

– У вас есть для меня сюрприз, – произнёс комиссар.

– Кто вам сказал?

– Давайте предположим, что до меня дошли некие слухи.

– Из надёжного ли источника?

Седжвик изогнул бровь:

– Вы хотите поиграть? На вас это непохоже. До сих пор я ценил вас за красноречие и исполнительность.

Мерси поставила на колени сумку с бутылкой, в которой лежала последняя глава из Книги бутылочной почты, и взялась за неё обеими руками. Вот опять, опять это случилось: кто-то другой через её голову решил, передавать ей Седжвику эту бутылку или нет. Вероятно, она и шагу не успела сделать с того проклятого моста, как Седжвику уже донесли, что рукопись, которой он так жаждал обладать, наконец-то оказалась у Мерси в руках.

– Удовлетворите моё любопытство, мисс Амбердейл. Как вам это удалось? После того как вы вторглись в Лаймхаус в прошлый раз, мадам Ксу, должно быть, устроила охрану.

Неужели он и правда не знал, как к ней в руки попала эта штука? Тогда, получается, его источник намеренно доносил до его ушей только часть сведений, несомненно, по поручению Академии. В этом мог быть замешан и Седрик. Или ещё кто-нибудь из прихлебателей рода Лоэнмут.

– Я следила за мадам Ксу несколько месяцев, готовясь к операции, – туманно ответила девушка. – В конечном итоге всё оказалось проще, чем я предполагала. Мне показалось, что её мысли занимало что-то другое. Что-то более значительное. Что говорят об этом ваши шпионы, мистер Седжвик? – Защита, как известно, лучший способ нападения, кроме того, Мерси подозревала, что это единственный способ не дать Седжвику догадаться, что она лжёт. Чтобы ему не пришлось в голову проверить, правду ли она говорит, нужно было сказать нечто вызывающее. Но не слишком, иначе он всё-таки почует, что дело нечисто.

Седжвик внимательно взгляделся в лицо Мерси, ничем, однако, не выдавая, раскусил он её или нет. Он никогда не пытался применять к ней библиомантические фокусы. Должно быть, он слишком хорошо понимал, что в этом случае он потерпит поражение. А возможность потерпеть поражение люди вроде Седжвика не рассматривали в принципе.

– Значит, вы проникли в резиденцию мадам Ксу и вынесли последнюю главу. – Его взгляд под тонкими седыми бровями стал колючим.

– Вообще-то дело обстояло несколько сложнее. Но в целом – да, примерно так оно и было.

– С вами опасно иметь дело, мисс Амбердейл.

– Вы пытаетесь мне льстить?

По губам Седжвика скользнула хитрая улыбка. «Ну и где тут “чувства, сходные с отеческими”, о которых говорил Седрик?» – задалась вопросом Мерси. Она сама не видела в Седжвике ни учителя, ни друга, но, возможно, игравшая на его лице улыбка являлась крайним выражением добрых чувств, на которые комиссар был способен. Сколько ещё людей на свете удостаивались чести видеть её?..

– Вы не торопитесь передать мне бутылку, – заметил Седжвик. – Есть ли для этого какая-нибудь причина, о которой мне следует знать?

– Я спрашиваю себя, что вы собираетесь делать, когда у вас в руках окажутся все главы книги.

– Разве не удивительно, что вы впервые задаёте мне этот вопрос?

Мерси покачала головой:

– Мы знаем друг друга больше двух лет. Только ради вас я неоднократно шла на большой риск и при этом понесла большую потерю. – Возможно, было нечестно использовать Гровера в качестве козыря, и Мерси стыдилась этого. Но если она хотела проникнуть за невозмутимый фасад Седжвика, ей нужно было показать свои уязвимые места. Таковыми являлись её воспоминания о смертельном случае с Гровером. Мерси искренне надеялась, что он клюнет на них.

И действительно, Седжвик раздумчиво кивнул:

– Было чрезвычайно смело с вашей стороны предпринять ещё одну попытку проникнуть в Лаймхаус после всего, что произошло два года назад. Я знаю, какой удар постиг вас тогда.

– Да, мне пришлось нелегко. Но я должна была выполнить свою часть соглашения.

– Вы всерьёз полагаете, что в противном случае я бы привлёк вас к ответственности за смерть Торндайка?

– Только не говорите мне, что не сделали бы этого. Тогда я, наверное, пожалею, что принесла вам сегодня вот это. – Она погладила сумку у себя на коленях.

Седжвик снова улыбнулся, спросив:

– За кого вы меня принимаете? За одного из отъявленных негодяев из «Грошовых ужасов», которые с помощью книги заклинаний хотят подчинить себе весь мир?

– Скажите мне сами, за кого мне вас принимать.

– Я не враг вам.

– Вы – шеф полиции, тем не менее выступаете не на стороне добра.

– А вы сами, мисс Амбердейл? Вы полагаете, что с точки зрения морали вас не в чем упрекнуть? А как же те маленькие услуги, которые вы оказываете?

– Эти услуги, возможно, по своей сути ближе к «Грошовым ужасам», чем вы предполагаете. Я такая простодушная молодая особа, свернувшая с пути истинного, чтобы достать денег на лекарство для своего больного приёмного отца.

Впервые на памяти Мерси Седжвик громко расхохотался. Его открытый рот показался девушке тёмным, как пасть хищного зверя. Впрочем, возможно, это ей просто почудилось в приглушённом свете холла.

– Прошло уже несколько лет с тех пор, как старый добрый Валентин скончался. Это, конечно, весьма прискорбно, но вряд ли его смерть можно использовать в качестве оправдания того, чем вы сейчас занимаетесь. В суде это не считалось бы смягчающим обстоятельством. – Мерси хотела было возразить, но Седжвик предостерегающе поднял руку и продолжил: – К тому же вы заблуждаетесь, когда считаете, что я не на стороне добра. Я не собираюсь совершать преступлений, совсем напротив. Вы можете считать меня своего рода исследователем... да, я полагаю, будет правильным описать это именно так.

– Вы хотите сказать, что просто желаете узнать, что произойдёт, если вы последуете указаниям книги? – Мерси наморщила лоб. – Вами движет одно лишь любопытство?

– Я разгадываю загадку. Тайну, о которую обломали зубы многие библиоманты. – Взгляд Седжвика вновь устремился к сумке. – Что бы вы обо мне ни думали, я прежде всего полицейский. Книга бутылочной почты необходима мне, чтобы закончить расследование. Возможно, это самое выдающееся расследование в моей жизни, важное для всего мира библиомантики.

Шанс, которого столько ждала Мерси, наконец представился ей, и она воспользовалась им без дальнейших раздумий.

– Я хотела бы присутствовать при этом.

Седжвик наклонился вперёд в своём кресле и произнёс с иронией:

– Правда?

– Прошу вас, позвольте мне увидеть это.

– Почему я должен выполнить вашу просьбу?

– Потому что вы доверяете мне. Иначе бы мы с вами здесь не сидели.

– Я-то думал, мы сидим здесь потому, что вы у меня в руках. – Он снова хитро улыбнулся, оскалив зубы.

Вот сейчас всё и решится, станет ясно, прав ли Седрик, предполагая, что Седжвик испытывает к Мерси слабость. В противном случае комиссар хладнокровно откажет ей. Или же – этого она опасалась больше всего – Седжвик опередил их на шаг и предвидел то, что происходило сейчас. При мысли об этом Мерси покрылась холодным потом.

– Мисс Амбердейл, я искренне благодарен вам за предпринятые вами усилия и оказанные мне услуги. Но я не вижу причин, по которым мне стоило бы оказывать вам ещё одно одолжение.

– Речь идёт не об одолжении. Я могла бы помочь вам. Ассистировать, если понадобится.

– У меня есть мой верный мистер Шарпин.

– Но он конюх!

– Кучер. А также ветеран кампании на Золотом Берегу и войн в Конго. Вы существенно недооцениваете его, если считаете, что он простой исполнитель.

Сбить Мерси с толку, однако, было нелегко.

– Вот именно – исполнитель! Он такой же, как эти новомодные машины. Вы кормите его, а он подчиняется вам. Шарпин способен делать только то, что вы прикажете ему.

– А вы – нет? – Слова Мерси явно забавляли комиссара.

– Если вы пожелаете, чтобы я помогала вам, в вашем распоряжении будет не только ваше мнение, но и моё. Мои предложения, мои идеи.

– Боже милосердный, зачем мне этого желать? – Однако во взгляде Седжвика проскользнула заинтересованность, которой Мерси не наблюдала прежде.

Она сползла на самый край кресла, поэтому, если бы Седжвик захотел, он мог бы схватить сумку, лежащую у неё на коленях.

– Много лет вы пытались расшифровать Книгу бутылочной почты, и сейчас лишь один шаг отделяет вас от величайшего триумфа в вашей жизни. Вы могли бы вступить в открытое противостояние с мадам Ксу и попытаться силой отобрать у неё бутылку с последней главой, причём, вероятнее всего, вы бы преуспели. Однако вам почему-то было важно, чтобы именно я добыла для вас эту главу. Не кто-нибудь, а именно я. Потому что вы понимали, что, несмотря на постигшие меня потери, я тоже вошла во вкус поисков. Потому что вам – возможно, в большей степени, чем мне самой, – было ясно, что я тоже хочу заполучить эту проклятую бутылку и отплатить мадам Ксу. Вами движет страсть, и эту страсть вы цените и в других.

С полминуты Седжвик молча смотрел на неё и только потом ответил:

– Неплохо, дорогая моя. Очень неплохо. Даже не знаю, стоит ли мне тревожиться по поводу того, что вы видите меня насквозь, или именно поэтому так предложить вам сотрудничество. Возможно, и то и другое.

Мерси понимала, что сейчас нужно попасть в яблочко, чтобы окончательно убедить Седжвика пригласить её. Но как?.. Она сделала единственное, что ей пришло в голову, – улыбнувшись, открыла сумку, сунула руку внутрь и...

– Стойте!

Она подняла на него глаза:

– Что...

Он молча поднёс палец к губам, чтобы она не вздумала продолжать. При этом его взгляд был устремлён не на Мерси, а через её плечо, к главному входу. Во время их прошлой встречи Седжвику как-то удалось устроить так, чтобы в начале их беседы холл внезапно обезлюдел. В этот раз он отказался от этого фокуса, – возможно, он просто больше не считал нужным производить на неё впечатление. Сегодня в холле, кроме них, находилась масса народу: помимо консьержа, служащих на стойке регистрации и мальчиков-посыльных, здесь было десятка два гостей. Некоторые из них расположились на других креслах и диванах, другие направлялись к лестнице, чтобы выйти на улицу.

На фоне всех этих людей бросалась в глаза молодая женщина, только что вошедшая через вращающуюся стеклянную дверь и пересекавшая холл. На ней было испачканное грязью длинное пальто, а под ним простое платье. Посреди многочисленных позолоченных канделябров, люстр и бархатных портьер она выглядела по меньшей мере неуместно. На шее у девушки на широком кожаном ремне висел разложенный деревянный лоток вроде тех, с какими ходили газетчики. Разумеется, они иногда забредали и в «Савой», хотя их обычно быстро выдворяли на улицу. Однако Седжвик, заметив девушку с лотком, неестественно выпрямился, и Мерси встревожилась.

И вдруг она заметила сапоги, носы которых мелькали под подолом платья. Дорогие крепкие военные сапоги с коваными носами. Сложно было вообразить, каким образом этому тщедушному созданию удалось их заполучить. Девушка выглядела моложе Мерси, её светлые волосы свисали слипшимися прядями, у губ залегла жёсткая складка, как у многих, принадлежавших к лондонским низам.

– Ей нечего здесь делать, – тихо произнёс Седжвик.

К тому же мнению, похоже, пришёл и консьерж отеля, напыщенный господин во фраке. Он выступил из-за своей стойки и поспешил за девушкой в дальнюю часть холла, куда она уже успела добраться.

– Барышня! – воскликнул он, не слишком, впрочем, громко, чтобы не привлекать внимания других гостей.

Девушка целеустремлённо шла дальше, направляясь ко входу в салон Клуба послов, из которого как раз сейчас доносились оживлённые голоса спорящих. Теперь всерьёз забеспокоилась и Мерси. Однако, обнаружив на лотке аккуратные ряды запечатанных глиняных горшочков, она успокоилась.

– Это просто торговка, которая продаёт время для чтения, – объяснила она Седжвику. – В Сесил-корт они тоже захаживают.

Продавцы времени для чтения встречались везде, где продавались или читались книги, – рядом с книжными лавками и библиотеками. Если, раскрыв книгу, читатель вдыхал содержимое глиняного горшочка, время для него останавливалось, пока он не дочитывал эту книгу до конца. Ароматические масла, изготовленные с помощью библиомантики, позволяли даже занятым по горло людям смаковать толстые тома и не терять при этом драгоценного времени. Сама Мерси до сих пор не пользовалась услугами продавцов времени (у неё в запасе имелась пара библиомантических фокусов другого рода, обеспечивавших аналогичный эффект без вдыхания сомнительных ароматов), однако посетители «Либер Мунди» хвалили это новомодное изобретение. К тому же среди продавцов времени, по-видимому, встречались и мошенники, продававшие библиофилам не более чем надушенный воздух. Не сломав печать и не вдохнув содержимое горшочка, невозможно было распознать, что ты купил, настоящее время для чтения или подделку.

– Она не робкого десятка, если собирается предложить свой товар в Клубе послов, – заметила Мерси.

Седжвик наклонился, потянулся к её сумке и потребовал:

– Отдайте её мне.

Раздосадованная Мерси выпустила сумку. Седжвик поднялся с кресла.

– Нам пора идти, – произнёс он, не выпуская из виду приближающуюся девушку с лотком. Держа сумку одной рукой, другой он что-то нащупывал в кармане сюртука.

Мерси тоже непроизвольно взялась за свою сердечную книгу и встала.

– Барышня! – вновь окликнул пришлую девушку консьерж, жестом подзывая двух посыльных. Некоторые из гостей тоже обернулись, желая узнать, кто столь внезапно вызвал беспокойство персонала. – Вы не имеете права без приглашения входить сюда с вашим... вашим... товаром, что бы это ни было. Попрошу вас освободить помещение! – Неестественно улыбаясь гостям, консьерж не заметил чемодана, лежащего на его пути, споткнулся и чуть не упал. Его судорожные попытки удержать равновесие очень позабавили окружающих.

Один лишь Седжвик сохранял невозмутимость.

– Мерси, следуйте за мной к задней двери. – Впервые за всю историю их знакомства он назвал её по имени. Если Седжвика что-то настолько вывело из равновесия, это, безусловно, было веской причиной смотреть в оба.

Лакей, стоявший перед входом в салон, тем временем тоже покинул своё место возле входа и спешил навстречу девушке. Она, казалось, забеспокоилась, но не попыталась свернуть с пути. Сзади её почти догнал консьерж: в следующее мгновение кто-то из них должен был схватить её за локоть.

– Мерси, бегите!

Седжвику больше не нужно было её предупреждать: в ту же секунду на Мерси нахлынул ужас. Лицо продавщицы времени странно дрогнуло, в улыбке, вспыхнувшей на нём, мельк-

нула обречённость, совершенно не подходившая к обычному выражению физиономии живущей впроголодь уличной торговки.

Мерси ринулась с места, на ходу выхватывая из кармана свою сердечную книгу.

Взрыв ударил по её барабанным перепонкам так, что они чуть не лопнули. Ударная волна выбила книгу у неё из рук и швырнула высоко в воздух, отбросив за стоявшую вокруг мебель.

7

Когда Мерси грохнулась на пол, по всему холлу распространился дым – и вместе с ним иллюзии.

Мерси ударилась о ножку стола и, вероятно, на несколько секунд потеряла сознание. Когда у неё в голове немного прояснилось, она увидела, что в холле появилось нечто новое.

По фойе отеля, извиваясь, двигался китайский бумажный дракон – наподобие тех, которые расхаживали во время праздников: морда с выпученными глазами и длинное тело, внутри которого, оживляя его, гуськом шагают люди. Дракон изгибался то туда, то сюда, бесчисленные бумажные выпелы красного, оранжевого и золотого цветов, трепетавшие по его бокам, казалось, тянулись к изумлённым посетителям отеля, гладили их лица и руки. Кто-то застыл на месте, словно окаменев, кто-то отскакивал с криком ужаса. Мерси пришла в себя, лёжа на спине недалеко от задней стены холла. Опершись на локти, девушка приподнялась и уставилась на дракона, приковывавшего к себе её взгляд, как и взгляды многих других. По спине Мерси пополз холодок, словно дракон является предвестником другого ужасного события, какого именно – она была не в состоянии предугадать.

Прогремел выстрел, затем второй, более приглушённый, словно стреляли где-то в другом помещении. Мерси поняла, что это стрельба, только после нескольких подобных хлопков, когда увидела людей, повалившихся на пол с огнестрельными ранами. Пользуясь тем, что появление дракона оказывало на людей гипнотизирующее действие, кто-то в упор расстреливал посетителей и служащих. Мерси открыла рот, чтобы крикнуть: «Берегитесь!», однако из горла вырвался лишь невразумительный хрип.

Жуткая драконья морда повернулась в её направлении и увидела её лежащей посреди опрокинутой мебели.

У дракона были совершенно живые глаза.

Она различила влажный блеск вертикальных змеиных зрачков, подрагивание век и ощутила жадное желание чудовища добраться до её мыслей.

Раздались ещё выстрелы, ещё несколько человек упали на пол, в том числе лакей, дежуривший у входа в салон Клуба послов, так сказать, около своего последнего бастиона.

Чья-то рука ухватила Мерси за локоть. Она обернулась. Это был Филеас Седжвик с расчёнённым лбом. По его лицу, как причудливая боевая раскраска, струйками стекала кровь. Его губы шевелились, он что-то пытался объяснить Мерси, однако его слова доходили до её сознания лишь обрывочно. Седжвик подsunул девушке её сердечную книгу – она инстинктивно ухватила за неё, и в этот момент действительность обрушилась на неё наподобие второй взрывной волны.

Дракон исчез. Вместо него по холлу рассыпалось около полдюжины мужчин и женщин с замотанными платками и шарфами лицами. Их серо-коричневая одежда напоминала «форму» лондонских рабочих. Женщины тоже были в брюках и отличались от мужчин только телосложением. Все они были вооружены револьверами. Некоторые по-прежнему беспорядочно палили в гостей и служащих, другие вступили в перестрелку с двумя охранниками и человеком в штатском (возможно, гостиничным детективом), засевшими за стойкой регистрации.

– Анархисты!.. – с ненавистью произнёс Седжвик.

– Но ведь... китайский дракон... – заикаясь, выдавила Мерси. – Мадам Ксу...

Седжвик покачал головой.

– Вы видите одно, я – другое, как и каждый из тех, что устроили резню... – Он пригнулся, над ними пролетела пуля и врезалась в стенную панель.

Авангард группы анархистов ворвался в салон, раздалась следующая серия выстрелов. Человека с замотанным лицом вышвырнуло из салона ударной волной от выстрела одного из членов Клуба послдов, вместе с ним на пол полетела стоявшая рядом женщина. Из его руки вылетел револьвер.

– Быстрей! – завопил Седжвик, рывком поднял всё ещё оглушённую Мерси на ноги и вместе с ней бросился ко второй двери, ведущей из холла внутрь отеля.

Другой путь к бегству был отрезан, в передней части холла творилась полная неразбериха: вспышки, вылетающие из дул пистолетов, мечущиеся в беспорядке гости, анархисты, прикрывающиеся своими жертвами, крики раненых. Мерси не знала, погиб ли кто-то в результате нападения: нападавшие целились только в плечи, руки или ноги. На полу ворочались раненые, некоторые душераздирающе кричали.

– Это отвлекающий манёвр! – Седжвик прижал к груди сумку с главой мадам Ксу, чтобы в суматохе не потерять её. – На самом деле им нужны только послы!

Мерси уже достаточно твёрдо держалась на ногах, чтобы пригнувшись последовать за Седжвиком мимо огромного открытого камина, в котором пряталась пара, одетая с иголки, и дальше в сторону двери в коридор, прочь из салона, в котором шла ожесточённая перестрелка.

Они почти добрались до двери, когда кто-то из анархистов узнал Седжвика.

– Это фараон! – завопил один из мужчин. – Главный фараон собственной персоной!

Повинуясь интуиции, Мерси бросилась на пол за долю секунды до того, как позади неё прогремели два выстрела. Один из них просвистел мимо Седжвика и ударил в дверной косяк, второй задел левое бедро комиссара. Не издав ни звука, Седжвик споткнулся и упал. Перекатившись и обернувшись, Мерси увидела, что стрелок, задевший Седжвика, махнул другому террористу, чтобы тот занялся комиссаром, а сам устремился в салон, где, по всей видимости, разгорелась нешуточная битва между послами и террористами. Отзвуки ударных волн, вылетавшие наружу, опрокидывали уцелевших и причиняли боль раненым даже здесь, в холле.

– Седжвик! – позвала Мерси и, оглянувшись через плечо, увидела, что комиссар лежит на прежнем месте в той же позе, в которой упал: вероятно, его рана была тяжелее, чем ей показалось.

Анархист в маске приближался, на ходу перезаряжая барабан своего револьвера. За его спиной ударная волна расколола стену салона, словно чёрная молния.

Мерси раскрыла свою сердечную книгу. Один из листов на развороте немедленно вытянулся в струнку и распался на два слоя, обнажая огненную тайнопись. Свет, падавший из странного сердца, подрагивал переливаясь. У Мерси хватило бы сил направить ударную волну на их преследователя и без помощи сердечной книги, однако она решила воспользоваться его минутным замешательством, чтобы усилить свою оборону. Ударная волна ураганом налетела на анархиста, только что захлопнувшего барабан своего револьвера. Очевидно, он лишь в последний момент понял, что на него надвигается, – его глаза в прорезях маски расширились от ужаса, ударная волна подхватила его и с неимоверной силой швырнула об стену рядом с дверью, ведущей в салон. Мерси непроизвольно вскрикнула, почувствовав хруст его позвоночника, как будто она собственными руками размозжила его тело о кирпичи.

Человек, целившийся в неё и Седжвика первым, но промахнувшийся, выскочил из салона и поспешил к своему пострадавшему соратнику. Гневно вскрикнув, он обернулся и открыл по ним огонь. Мерси возвела между собой и стрелком непроницаемую воздушную стену, однако, когда он попытался её преодолеть, она почувствовала, что он тоже обладает аурой библиоманта. Почему же он не использовал свои способности? Единственное объяснение, которое пришло в голову Мерси, – он не хотел, чтобы кто-то, кроме присутствовавших в холле библиомантов, догадался, что он не простой анархист.

Ему не потребуется много времени, чтобы преодолеть её защитную стену. У Мерси в запасе имелось всего несколько минут.

Пошатываясь, она вскочила на ноги, бросилась к Седжвику, который, очевидно, только что очнулся, и потянула его вверх. Седжвик, похоже, пребывал в шоковом состоянии, из бедра струилась кровь, но титаническим усилием воли ему удалось встать, опираясь на Мерси. Поднырнув под его правую руку, она помогла ему преодолеть последние метры до двери.левой рукой он судорожно прижимал к себе сумку Мерси.

– Чего они хотят? – спросила Мерси.

– Это бунтовщики, протестующие против Адамантовой академии. Или же...

– Или же что?

Он явно собирался что-то добавить, но потом только молча покачал головой.

Мерси с комиссаром были явно не единственными желающими избежать опасности таким путём: дверь, до которой они наконец добрались, оказалась открытой. За ней обнаружился высокий коридор, который вёл в рестораны при «Савое». Коридор был выложен чёрным и белым мрамором, точно таким же, как в холле, вдоль стен стояли витрины с ювелирными изделиями, забранные в решётки.

Седжвик кивнул в направлении узкой двери, ведущей из коридора куда-то в сторону:

– Туда! Нам нужно выбраться из гостевых помещений отеля!

Не протестуя, Мерси повела комиссара к двери, окружённой деревянными панелями.

– Куда подевался ваш телохранитель? Когда он нужен, его и след простыл!

– Ждёт в карете за отелем.

Если Шарпин не был глух как тетерев, он уже успел услышать выстрелы, раздававшиеся в отеле; возможно, в эту минуту он спешил на помощь своему шефу. Обычно Мерси предпочитала не попадаться ему на глаза, однако сейчас она бы обрадовалась любой помощи. На своём плече она протащила Седжвика через указанную им дверь в непритязательный коридор, явно предназначенный только для персонала, когда в холле за их спинами пронзительно засвистели полицейские. Сразу после этого что-то душераздирающе затрещало, как будто за первым взрывом последовал второй, стены отеля задрожали, со стен коридора посыпалась штукатурка.

– Дальше! – крикнул Седжвик.

– Но разве это не ваши люди?

– Я бы предпочёл ни во что не ввязываться. Не сейчас, когда последняя глава у меня в руках!

Мерси мельком взглянула на бутылку, которую Седжвик по-прежнему прижимал к груди – нежно, как новорождённого младенца, жизнь которого нужно сохранить во что бы то ни стало. В конце коридора было несколько ступенек, которые вели вниз к двустворчатой металлической двери. Казалось, Седжвик превосходно ориентируется в закоулках отеля. Они почти добрались до последней ступеньки, когда позади них раздался треск – служебная дверь, в которую они свернули, распахнулась, и чья-то фигура ринулась за ними в погоню.

Мерси хотела загородить собой Седжвика, однако их преследователь оказался не кем иным, как Шарпином. Его лицо и накидка были испачканы сажей и забрызганы кровью; вероятно, в поисках хозяина он пробивался через весь холл. Он размахисто зашагал по коридору, нагоняя их. Сердце Мерси судорожно колотилось, какое-то мгновение она сомневалась, враг им Шарпин или друг. Догнав их, Шарпин кивнул ей и перехватил комиссара, который в руках у своего доверенного внезапно обмяк. Казалось, силы совершенно покинули его.

– Вниз! – приказал ей Шарпин. – Откройте!

Мерси не нравился его тон, но она забежала вперёд, отодвинула оба засова с двери и толкнула тяжёлые металлические створки наружу. Перед ней открылся переулочек: вероятно, они добрались до служебного входа, которым пользовались поставщики отеля. По обеим сторонам тёмного и узкого переулочка возвышались фасады высотой в семь-восемь этажей. Из мусорных баков пахло гнилыми продуктами. Выстрелы и крики из холла сюда не доносились; даже свистки полицейских тонули в городском шуме и плеске вод Темзы.

Карета Седжвика ждала их всего в нескольких шагах. Должно быть, Шарпин оставил её здесь и прошёл к парадному входу в отель, чтобы наблюдать за хозяином через стеклянные двери. Очевидно, нападение застало его так же врасплох, как и остальных свидетелей катастрофы в холле и на близлежащей улице.

Недолго думая, Шарпин подхватил комиссара на руки, как ребёнка, и понёс его в карету. Его тяжёлые шаги эхом отдавались от стен переулка.

– Откройте дверь!

Мерси распахнула дверцу кареты и залезла внутрь, чтобы помочь поудобнее устроить Седжвика. Было бы проще тащить его, если бы он хоть на минуту выпустил из рук сумку с бутылкой, однако тот по-прежнему прижимал её к груди, как будто от этого зависела его жизнь.

Шарпин на мгновение заколебался, стоит ли доверять здоровью хозяина наглой девице.

– Что? – набросилась на него Мерси. – Вы что, хотите, чтобы он разможил череп о порог кареты?

Шарпин пробурчал что-то невразумительное. Они вдвоём положили комиссара на пол между сиденьями. Мерси пришлось подобрать ноги и скрючиться на переднем сиденье, чтобы для Седжвика осталось достаточно места. Шарпин бережно подогнул ноги Седжвика и закрыл дверцу.

– Вылезайте, – обратился он к Мерси.

Девушка покачала головой, упорствуя:

– Я поеду с вами.

– Это не ваше де...

– Пусть едет, – хрипло перебил его Седжвик.

Мерси склонилась к нему, ощупывая его ногу. Пятно крови на его брюках всё увеличивалось.

Снаружи Шарпин захлопнул дверцу. Карета покачнулась, когда он влез на козлы. Засвистел кнут, лошади тронулись с места.

– Во всяком случае, с вами нескучно, – произнесла Мерси, сняв с себя шарф и плотно перетянув место, задетое пулей.

Седжвик охнул от боли, но ответил:

– Ерунда, царапина.

– Вы еле двигались.

– Касательные ранения очень болезненны, а я уже не мальчик.

Она затянула шарф туже:

– Я не собираюсь смотреть, как вы истекаете кровью, тем более сейчас, когда мы с Шарпином наконец-то стали друзьями.

– Проклятые анархисты! – выругался Седжвик. – Я бы тоже не стал петь Академии дифирамбы, но это... – Он едва заметно покачал головой, очевидно испытав при этом приступ боли в затылке.

Мерси принуждённо улыбнулась, пытаясь не обращать внимания на запах крови:

– Я ошибаюсь или же я только что спасла вам жизнь?

8

– Всё это не что иное, как проклятая ирония судьбы, – произнёс Седжвик.

– Ирония судьбы? Только что там, в холле, погибла куча невинных людей! – В глубине души Мерси не была уверена в том, что говорила. Да, многие получили огнестрельные ранения с довольно близкого расстояния, однако они не представляли угрозы для жизни: если их быстро перевязать, люди останутся живы. Несмотря на это, Мерси упорно вытесняла из головы представление о том, как, должно быть, выглядел салон после диверсии анархистов.

Опершись на сиденье, Седжвик попытался приподняться повыше, но был вынужден попросить:

– Помогите мне. Вы же так рвались мне помогать.

Последовали возня и пыхтение, прерываемое стонами, пока наконец Седжвик не взгромоздился на узкий каретный диванчик. Услышав особенно громкий стон, Шарпин даже придержал лошадей, вероятно полагая, что Мерси покушается на жизнь его хозяина, однако Седжвик раздражённо приказал ему кратчайшим путём ехать в Сесил-корт.

– Вам следует сначала побывать у врача, – возразила Мерси и уселась напротив Седжвика.

– Нет. – Ответ комиссара прозвучал столь решительно, что она не осмелилась настаивать.

Про себя Мерси удивлялась, что после всех сегодняшних событий ей удавалось хладнокровно сохранять хладнокровие. Возможно, она просто стала привыкать к виду крови, раненых и даже убитых; тем не менее ей это очень не нравилось. Может быть, она стала проще относиться к человеческой жизни после смерти Торндайка: она собственными руками отмывала потемневший пол и с тяжёлым сердцем выкидывала книги, заляпанные кровью.

Только через некоторое время она заметила, что Седжвик пристально наблюдает за ней.

– Как вы себя чувствуете? – В его голосе слышалось искреннее участие.

– А вы как думаете?

– Гм... если бы после всего случившегося вы закатили истерику, я смог бы это понять. Если бы вы немного поплакали, пожаловались, если бы вас начал бить озноб. Кроме того, вы могли бы даже упрекнуть меня за то, что я втравил вас во всё это. Да, мне кажется, что упреки были бы к месту.

Карета подпрыгивала вверх-вниз на выложенной крупным булыжником мостовой. Уличный шум, доносившийся из приоткрытого окна вместе со сквозняком, звучал как всегда, и это успокаивало.

Желая сменить тему и поддержать разговор с Седжвиком, Мерси спросила:

– Что вы имели в виду под иронией судьбы?

– Анархисты для меня не новость, уже некоторое время их ряды ширятся. Кто-то просто мутит воду, кто-то собирается всерьёз воевать с Академией. Они считают себя революционерами, мечтают свергнуть власть Трёх родов и борются за автономию убежищ.

– Да, я слышала о них, – заметила Мерси. – Однако я ничего не знала о столь жестоких террористических актах, как сегодня в «Савое».

– До сих пор анархисты в основном распространяли листовки в убежищах и малевали прокламации на стенах. Да, они высказали пару угроз. Однако похоже, что рано или поздно все же собирались перейти к более активным действиям. И этот момент настал!

– И в чём здесь ирония судьбы?

– Они чуть не настигли меня. Человека, который как раз сейчас находится не в лучших отношениях с Академией. – Мерси хотела было возразить, но Седжвик предостерегающе поднял руку. – Ни для кого не секрет, что Три рода не в восторге от того, как я управляю лондонской полицией. Они бы хотели оказывать большее влияние на те или иные полицейские

расследования, запугивать парламент и быстрее достигать нужных им результатов. В конечном итоге они мечтают влиять непосредственно на правительство, давить на него, если сочтут нужным. Никому не известно, насколько Академия имеет отношение к упорному молчанию королевы, к тому, что она практически перестала появляться на людях, с её равнодушием к вопросам государственной важности. Три рода уже давно требуют от меня, чтобы я действовал агрессивнее, больше лез в политику, вмешивался туда и сюда по их указке. В то же время они, похоже, знают, что параллельно я работаю кое над чем ещё. Они ставят мне в вину разбазаривание их ресурсов. Рано или поздно они добьются моей отставки, я не сомневаюсь в этом.

Мерси прилагала все усилия, чтобы Седжвик не заподозрил, что кое-что, о чём он упомянул, уже было ей известно. Она вгляделась в его лицо. Знал ли он, зачем она на самом деле попросилась сопровождать его? Подозревал ли, в чём заключалось её задание?

Тем временем Седжвик открыл наконец сумку, лежавшую у него на коленях, и бережно взял в руки бутылку с главой из Книги бутылочной почты. Затем он торопливо задёрнул занавеску на окошке кареты и поднёс бутылку к тусклому свету, просачивающемуся из-за неё. Уголки его рта поползли вверх в торжествующей усмешке, словно он не бежал только что прочь под пулями в «Савое».

– Дорогая моя, вам действительно удалось раздобыть её.

– Кстати, раз уж об этом зашла речь... – Мерси показалось, что её самообладание весьма впечатлило Седжвика, поэтому она старалась казаться как можно более невозмутимой. Это было нелегко. – Мы с вами никогда не обсуждали, сколько вы мне заплатите за последнюю главу.

– Вам недостаточно того, что я оберегал вас от различного рода неприятностей?

– Мне нужно кормить семью.

– Эту парочку вшивых бродяжек, с которыми вы дружите?

– Они не...

– Прошу прощения. Мне просто известно их происхождение. В ночлежках Сент-Жиля витают все возможные болезни и кишат паразиты.

– Моя лавка не приносит дохода, на который можно жить. Мне приходится брать частные заказы.

Седжвик проницательно посмотрел на неё, словно желая прочесть её мысли, и Мерси засомневалась: может быть, он уже нашёл способ раскусить её с помощью библиомантики?.. Если так, то это произошло не с помощью сердечной книги: она была закрыта и лежала рядом с ним на сиденье.

Помедлив, Седжвик сунул руку в карман сюртука и достал конверт, помятый (что было вполне очевидно, учитывая бегство из «Савоя») и толстый, толще всех прочих конвертов, которые Мерси когда-либо получала от комиссара.

– Надеюсь, этого будет более чем достаточно. – Седжвик передал ей конверт. Рука его заметно дрожала, а он всеми силами пытался подавить эту дрожь. – Рад, что с этим покончено. Мне больше нравится иметь с вами дело, если между нами не стоят финансовые вопросы.

Она открыла конверт, начала пересчитывать купюры, дошла до половины и с изумлением подняла на него глаза:

– Вы очень щедры, мистер Седжвик.

Комиссар отмахнулся:

– Вы сильно рисковали. Мадам Ксу не забудет вам того, что вы сделали.

Мести мадам Ксу Мерси боялась больше, чем готова была признаться даже самой себе. Не случайно под воздействием нервного библиомантического газа, рассеявшегося по холлу отеля, она увидела именно китайского дракона. Из-за этого газа людские страхи принимали форму правдоподобных иллюзий, и, получалось, что мести мадам Ксу Мерси боялась больше всего. При этом на самом деле она не имела *никакого отношения* к краже этой проклятой

главы!.. Вероятно, Ксу так или иначе всё равно узнает, что Мерси передала бутылку Седжвику. Оставалось лишь надеяться, что Академия недвусмысленно дала понять правительнице Чайна-тауна, с кем той придётся иметь дело, если ей захочется отплатить вору за кражу.

Мерси спрятала деньги:

– Я была осторожна. Никто не видел, как я входила в Лаймхаус или выходила из него.

– Вы полагаете, людям вроде мадам Ксу нужны доказательства, чтобы исполнить смертный приговор?

– Вы хотите напугать меня, мистер Седжвик?

– Вы уже порядком напуганы. Я чувствую, что вы нервничаете.

– Я нервничаю, потому что всё ещё жду вашего решения, – быстро ответила она, чтобы увести его прочь от рассуждений о мадам Ксу.

– Позволю ли я вам участвовать в моём эксперименте? – Седжвик с лёгким сарказмом произнёс последнее слово, хотя, по сути, именно так и обстояло дело: расшифровка Книги бутылочной почты представлялась экспериментом с неизвестным исходом.

– Я бы очень хотела присутствовать. – Мерси понимала, что, если будет слишком настойчива, он может что-нибудь заподозрить. С другой стороны, вряд ли ей ещё представится столь удобная возможность.

– Там, в холле, вы убили того мальчика, вы ведь понимаете это? – неожиданно спросил комиссар. – Возможно, он – единственная жертва сегодняшней перестрелки. И его жизнь на вашей совести. Он был очень молод.

– Он был в маске. Понятия не имею, сколько ему было лет.

Каждый раз, когда Мерси удавалось вывернуться из ловушек Седжвика, это, казалось, сильно его забавляло. Вот и сейчас он улыбнулся, услышав её ответ.

– Не более семнадцати лет, а может, и меньше. Анархист-подмастерье, если можно так выразиться. Тот, кто видел, что произошло, и попытался убить вас, – его отец.

Внутри у Мерси похолодело.

– Вы что, знаете этих людей?

Седжвик в очередной раз помедлил, с наслаждением выдерживая паузу:

– Лично – не знаю. Но я достаточно поднаторел в том, чтобы видеть подоплёку. – Он снова улыбнулся, и у Мерси по спине побежали мурашки. – В своё время меня назначили на пост шефа лондонской полиции не потому, что этому содействовала Академия, даже если вы, возможно, предполагаете именно это. Я действительно способный криминалист, мисс Амбердейл. – Он снова обращался к ней по фамилии. Это не внушало надежды. – Я вижу людей насквозь. Я способен отличить ложь от правды, тем более ложь, которую мне говорят в лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.